

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Чужое сердце

«Автор»

2026

Светланова М.

Чужое сердце / М. Светланова — «Автор», 2026

Мира Вей собирает нарушенные клятвы и продаёт заключённый в них свет. Она верит, что честная плата освобождает мастерицу от ответственности за дальнейшую судьбу ампулы. Но однажды в чужом разрыве проступают подпись её артели и след младшей сестры. Расследование приводит Миру в Обсерваторию, где чувства превращают в прогнозы, а прогнозы — в условия найма, жилья и брака. Её союзником становится астроном этики Тален Ор, скрывший расчёт гибели их возможной любви. Чтобы вернуть людям право на непредсказуемое будущее, Мире придётся решить, можно ли доверять человеку, который однажды выбрал за неё, и отдать единственную клятву, которую она никогда не нарушала. «Чужое сердце» — атмосферный роман о цене заботы, границах согласия и любви, которой не нужна гарантия.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Разрыв в янтаре	6
Глава 2. Астроном этики	9
Глава 3. Сестра без созвездия	14
Глава 4. Имя, которое не произнести	20
Глава 5. Цена задержанного света	27
Глава 6. Прогноз на двоих	36
Глава 7. Право выбрать риск	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мара Светланова

Чужое сердце

От автора

Обещания окружают нас задолго до того, как мы успеваем понять их вес. Одни произносятся вслух, другие прячутся в простом «я позабочусь», третьи будто бы возникают сами — из родства, любви, долга или чужого ожидания. Но даже самое искреннее обещание может превратиться в клетку, если кто-то получает право истолковывать его вместо нас.

«Чужое сердце» — история о городе, научившемся измерять чувства и слишком быстро решившем, что измеренное можно продать. Здесь нарушенные клятвы дают свет, прогнозы отношений открывают двери, а забота о близком человеке легко становится доказательством его несамостоятельности. Фантастический механизм этой книги вымышлен, но вопросы, которые он ставит, вполне узнаваемы: где заканчивается помощь и начинается контроль, достаточно ли согласиться один раз, чтобы другие распоряжались твоими данными всегда, и остаётся ли выбор свободным, когда тебе заранее объявили его последствия.

Мне хотелось написать роман, в котором любовь не отменяет профессионального опыта героини и не награждает другого человека правом решать за неё. Мира умеет работать с последствиями чужих поступков, но ей ещё предстоит увидеть последствия собственного ремесла. Тален посвятил себя этике, однако именно уверенность в благих намерениях позволяет ему совершить личную несправедливость. Их близость рождается не из безошибочности, а из способности признавать причинённый вред, менять поведение и уважать границы даже тогда, когда это ничего не гарантирует.

У этой истории есть и другие важные связи: между сёстрами, подругами, мастерами и людьми, чьи имена были стёрты удобной системой. Ни одна из них не должна быть принесена в жертву единственной романтической линии. Сердце в названии — не приз, который можно получить, правильно рассчитав вероятность. Это чужая внутренняя жизнь, к которой невозможно приобрести вечный доступ.

Читайте эту книгу как историю о цене предсказуемости и о надежде, которая появляется не после идеального обещания, а после свободно выбранного поступка.

Глава 1. Разрыв в янтаре

Клятва лопнула у меня между пальцами в четыре минуты третьего.

Не со звуком — хорошие обещания умирают тихо. Золотая нить, протянутая от груди клиента к медному кольцу на столе, дёрнулась и осыпалась внутрь стеклянной ампулы. Янтарный свет залил перчатки. На миг мастерская стала похожа на комнату перед рассветом, хотя за ставнями Астэра лежала вечная лиловая ночь.

— Не дышите, — сказала я.

Мужчина в кресле замер. Имени он не назвал, предъявил временный жетон и оплатил срочный тариф наличными. Так поступали люди, которым было стыдно. Или люди, которым стыд уже назначили другие.

Я сомкнула щипцы над горлышком. Сана повернула второй вентиль, и серебристая пыль ушла в вытяжку.

— Теперь можно. Медленно.

Мужчина вдохнул.

— Всё?

Обычно после извлечения спрашивают, сколько получилось: хватит ли на отопление, долг, билет из города. Этот хотел знать только, закончилась ли процедура.

— Разрыв запечатан. Первые сутки не принимайте решений о той связи, которой касалась клятва. Если не сможете назвать адресата — вернитесь немедленно.

Он посмотрел на меня с испугом.

— Адресата?

— Того, кому вы обещали. Назовите сейчас для контрольной записи.

Сана перестала складывать инструменты. Клиент облизнул губы.

— Я обещал... ей.

— Имя.

— Это обязательно?

По закону — нет. По опыту — да. Я сняла рабочие очки. Без фильтра свет оказался слишком ярким для клятвы, обозначенной как «не покидать дом до весны».

— Не для договора. Для вас.

Он долго смотрел на медное кольцо, словно имя могло остаться на металле.

— Я передумал насчёт продажи.

— Извлечение необратимо. Но вы можете запретить передачу и забрать ампулу после охлаждения.

— Мне сказали, она уже принадлежит Обсерватории.

Мне следовало закрыть мастерскую и вызвать инспектора. Вместо этого я спросила:

— Кто сказал?

Мужчина отступил к двери. Его лицо стало пустым от усилия удержать то, для чего больше не находилось слова.

— Она. Та, которой я...

Договорить он не смог.

Сана шагнула между ним и выходом.

— Сядьте. Мы вызовем лекаря.

— Не надо. У меня долг.

Он распахнул дверь. В мастерскую ворвался холодный свет уличных линз. Над крышами вращалось искусственное созвездие Верных Домов — реклама брачного бюро, купившего у Обсерватории особенно ясный участок неба. Мужчина смешался с прохожими прежде, чем Сана сняла фартук.

— Я догоню.

— Нет. Запиши жетон и позови Ноя. Пусть союз ищет без формы артели.

Я повернула ампулу щипцами. В янтаре проступали линии спектра: плотность, возраст, число касаний. По договору мы измеряли только мощность. Но у дна мерцала синяя насечка, похожая на стежок.

— Мира, не открывай слой происхождения, — сказала Сана.

— Я только посмотрю метку.

— Именно это говорят перед потерей лицензии.

Синий стежок был знаком «Тихого шва»: три коротких движения и одно длинное, мой способ закреплять горлышко. Подделать его было нетрудно. Повторить микроскопическую ошибку на третьем движении — почти невозможно.

Эту клятву уже держали мои руки.

Я внесла ампулу в тёмный шкаф и поставила между зеркалами. Сана ругнулась, но включила охлаждение. Мы пятнадцать лет работали вместе: достаточно, чтобы знать разницу между запретом и последним предупреждением.

Я опустила рычаг. Зеркала разложили янтарный свет на полосы и бросили на белую пластину. Большая часть рисунка была ожидаемой: страх, выгода, момент осознанного отступления. Поверх лежал второй узор — слишком ровный, многократно усиленный. Кто-то копировал разрыв, пока он не начал забывать собственный источник.

В центре дрожала бледная зелёная дуга.

Я знала этот цвет.

— Нет, — сказала Сана. — Это совпадение, не родство.

Каждый настройщик линз оставлял в стекле рабочий спектр. Лея в детстве обожгла ладони о первую учебную сферу, и с тех пор её след изгибался характерным полумесяцем. Я различала его так же уверенно, как её шаги на лестнице.

— Она никогда не работала с нашими ампулами.

— Она работает в Обсерватории. След мог попасть туда позже.

— Обсерватория утверждает, что не вскрывает сосуды.

— Обсерватория много чего утверждает.

За стеной щёлкнул городской переключатель. Свет под потолком мигнул. Янтаре вспух, словно услышал приказ, и на пластине появилась строка машинной разметки:

СВЯЗЬ: СЕСТРИНСКАЯ.

Потом зеркало треснуло.

Сана сбила рубильник. Темнота упала сразу, тяжёлая и пахнущая горячей медью. С улицы донёсся общий вздох: погасли фонари всего квартала.

Я нащупала красный вентиль. В трубах загудел запас, приготовленный на зимнюю неделю. Свет вернулся сперва в мастерскую, потом растёкся по внешнему контуру. За ставнями заплодировали люди, решившие, что авария закончилась сама.

Стрелка резервуара упала на треть.

— Эта штука выпила столько, сколько двадцать обычных разрывов, — сказала Сана.

Ампула лежала целой. Теперь внутри сияла тонкая чёрная звезда — знак подключения к главному вычислительному кругу без нашего разрешения.

В дверь трижды постучали: ровно, с паузой после второго удара. Так стучали инспекторы Обсерватории.

Сана накрыла ампулу свинцовым колпаком.

— Они не могли узнать так быстро.

— Могли, если ждали, когда мы её откроем.

Я посмотрела на расходную книгу. Закон предлагал простой путь: записать аварийное разрушение сосуда, отдать осколки и сохранить лицензию. Но сосуд не разрушился. Человек на

моём кресле терял имя близкой женщины. След моей сестры оказался внутри клятвы, которой она не давала. Моя подпись подтверждала, что когда-то я помогла этому случиться.

Я провела в журнале новую строку: «Поставка задержана владельцем артели до выяснения происхождения».

Подписалась полностью: Мира Вей.

Только после этого открыла дверь.

На пороге стоял высокий мужчина в сером форменном пальто. На воротнике вместо инспекторской печати был знак этического круга — весы на фоне погасшей звезды. В руке он держал пустой защитный футляр точного размера.

Он посмотрел на свинцовый колпак.

— Госпожа Вей, я Тален Ор. Вы задержали имущество Обсерватории.

— Клиент запретил передачу.

— У нас нет записи запрета.

— Теперь есть у меня.

Его взгляд переместился к книге, затем к треснувшему зеркалу. Он понял слишком много и слишком быстро.

— Вы открыли слой происхождения.

— А вы знали, что там будет.

За его спиной созвездие Верных Домов распалось на две половины. Рекламное сердце над крышами перечеркнула тёмная полоса.

— Нет, — тихо сказал он. — Я надеялся, что оно до вас не доберётся.

Мне не понравилось ни слово «оно», ни то, как он произнёс «до вас».

Я шире открыла дверь.

— Тогда входите. И начинайте с того, откуда знаете моё имя.

Глава 2. Астроном этики

Тален Ор вошёл так, будто переступал не порог мастерской, а границу чужого государства.

Сначала снял перчатки. Потом вынул из внутреннего кармана плоский футляр с печатью Обсерватории и положил его на край стола, не приближаясь к свинцовому колпаку. Последним движением отстегнул от воротника знак этического круга.

— Это должно убедить меня, что вы безоружны? — спросила я.

— Нет. Что я понимаю: здесь распоряжаетесь вы.

Сана заперла дверь и осталась у неё. Тален заметил это, но не попросил её уйти.

— Откуда вы знаете моё имя? — повторила я.

— Из заявки на внеплановый аудит «Тихого шва».

— Я её не подавала.

— Подал я. Двенадцать дней назад.

Он раскрыл футляр. Внутри лежали три прозрачные пластины. На верхней серебрились мои имя, номер лицензии и перечень старых поставок. Последняя строка была пустой, но рядом стояла сегодняшняя дата.

— Вы ждали именно эту ампулу, — сказала Сана.

— Я ждал сосуд с повторной подписью вашей артели. Не знал, к кому его направят.

— Лжёте плохо, — сказала я. — Вы сами признались, что надеялись не допустить его до меня.

Тален не отвёл взгляда.

— Потому что направление изменили после моего запроса. И потому что в расчёте появилась ваша фамилия.

За ставнями снова загудели городские линзы. Свет возвращался по улицам медленными волнами. Каждый такой гул напоминал, сколько запаса мы только что отдали вместо Обсерватории.

— В каком расчёте?

— Сначала мне нужно увидеть сосуд.

— Сначала вам нужно ответить.

— Если я ошибся, раскрытие расчёта причинит вред, которого можно избежать.

Я рассмеялась. Не потому, что было смешно.

— У вас человек вышел отсюда, не способный назвать близкого. Моя сестра каким-то образом вписана в его клятву. А вы всё ещё выбираете, сколько правды мне полезно выдержать.

Тален посмотрел на снятый знак этического круга. Пальцем повернул его весами вниз.

— Справедливое замечание.

— Это не замечание. Это условие разговора.

Он вынул нижнюю пластину. Та оставалась тёмной, пока он не приложил к ней большой палец. По стеклу разбежались точки, соединяясь в созвездие. Две звезды загорелись ярче других. Под одной появилось моё имя. Под второй — только буквы «Т. О.».

Между ними лежала чёрная линия.

— Прогноз совместного влияния, — сказал он. — Закрытый. Вероятность существенного изменения вашей нерушимой клятвы при длительном контакте со мной — восемьдесят один процент.

Сана тихо выругалась.

Я не почувствовала страха. Сначала пришла злость — холодная, почти удобная.

— С каких пор Обсерватория рассчитывает мою личную жизнь?

— Формально это не прогноз отношений. Вы значитесь владельцем опорного шва, влияющего на устойчивость городских моделей.

— Я не передавала им нерушимую клятву.

— Передавать саму клятву не требовалось. Достаточно спектра.

— Откуда он у них?

— Этого я не знаю.

— Но знали, что расчёт связывает нас.

— Да.

— И собирались молчать.

— Да.

Честность, выданная после разоблачения, редко бывает добродетелью. Но полезной она быть может.

Я подошла к пластине. Чёрная линия между нашими метками дрогнула, будто почувствовала близость. Под ней открылась мелкая приписка: «КЛАСС РИСКА: УТРАТА ГАРАНТИИ».

— Что именно вы должны были сделать по протоколу?

— Избежать личного контакта. Передать аудит другому сотруднику. Ограничить вам доступ к данным, способным изменить поведение.

— Вместо этого вы пришли сами.

— Потому что сосуд подключился к главному кругу. Теперь скрывать само существование расчёта опаснее, чем показать его.

Сана оттолкнулась от двери.

— Значит, если бы ампула не погасила квартал, вы позволили бы Море и дальше отправлять вам такие сосуды?

— Я пытался остановить повторные извлечения внутри Обсерватории.

— Не ответ.

Тален помолчал.

— Да. До получения доказательства.

Сана посмотрела на меня: вот, мол, твой астроном. Я не считала его своим даже в грамматическом смысле, но прогноз на стекле уже пытался решить иначе.

— Вы назвали себя астрономом этики, — сказала я. — Что вы делаете на самом деле?

— Проверяю, не превращает ли наблюдение вероятность в приказ. Когда дом отказывает жильцу из-за прогноза развода, когда мастерская не берёт ученика с низким индексом верности, когда человек нарушает обещание, потому что ему сообщили, что он всё равно нарушит, — это моя работа.

— Судя по сегодняшнему вечеру, работы у вас много.

— Судя по сегодняшнему вечеру, моей должности недостаточно.

Это прозвучало без жалости к себе. Я отметила и это, хотя не хотела собирать доводы в его пользу.

С улицы донёсся звон аварийной бригады. Скоро здесь будут энергетики, а за ними настоящий инспектор. Времени на красивую ложь у нас не оставалось.

Я кивнула Сане. Она сняла колпак, не выпуская рычаг блокировки. Янтарный свет был теперь слабее, зато чёрная звезда внутри стала отчётливее.

Тален не приблизился.

— Разрешаете осмотр с двух шагов?

— Без приборов.

Он наклонился, держа руки за спиной. Его лицо изменилось: не испуг, не удивление — узнавание.

— Вы уже видели такую метку, — сказала я.

— Семь раз.

— В заявке указали одну.

— Остальные исчезли из архива до регистрации.

— А люди?

— Четверых нашли. Все помнили события, но не могли назвать связь, ради которой давали обещание. Один называл жену «женщиной из кухни». Мать — «человеком, который меня вырастил». У двоих изъятие было подтверждено второй раз.

— Повторное извлечение невозможно, — сказала Сана. — После первого клятва становится веществом. Из человека нечего брать.

— Если извлекают клятву, — ответил Тален. — Но можно извлечь её отражение из прогноза, затем заставить владельца пережить предсказанный разрыв как собственный.

Я посмотрела на ампулу. Многократно усиленный узор. Копия, которая забыла источник.

— Прогноз создаёт новую клятву?

— Не совсем. Он создаёт ожидание. Человек начинает охранять его, спорить с ним, подчиняться ему. Этого иногда хватает, чтобы отражение обрело вес.

— А потом вы продаёте его как топливо.

— Энергетическое управление покупает сосуды у сертифицированных артелей.

— Нашу подпись можно перенести.

— Можно перенести запись. Вашу ошибку в третьем стежке — нет. Поэтому мне нужен совместный аудит: вы отличите сосуд, которого касались, от сосуда, которому присвоили вашу запись.

Сана взяла верхнюю пластину и поднесла к свету.

— Совместный — это когда у сторон равный доступ. Что получит Мира?

— Временный допуск в хранилище происхождений. Право присутствовать при вскрытии цепочки поставок. Копии результатов.

— А что получите вы?

— Свидетеля, которого внутренний совет не сможет объявить ошибкой алгоритма.

— Вот теперь похоже на правду, — сказала я.

На пластине с прогнозом наши звёзды медленно смещались. Восемьдесят один процент стал восьмьюдесятью тремя.

Я повернула стекло к Талену.

— Почему число изменилось?

— Вы узнали о прогнозе и продолжили разговор. Модель учитывает это как выбор в пользу контакта.

— Значит, показав прогноз, вы увеличили вероятность его исполнения.

— Да.

— А скрыв, пытались уменьшить.

— Да.

— И называете это этикой.

Впервые за весь разговор он потерял спокойствие. Совсем немного: сжал челюсть, вдохнул раньше, чем собирался.

— Я называл это предотвращением ущерба.

— За мой счёт.

— За ваш счёт.

Он не добавил оправдания. От этого злость не исчезла, но обрела форму.

Я взяла чистый лист договора.

— Совместный аудит состоится при трёх условиях. Первое: ампула остаётся здесь до независимого осмотра. Второе: Сана получает те же права доступа, что и я. Третье: мы ищем клиента, и его запрет на передачу важнее вашего имущественного реестра.

— На второй пункт совет не согласится.

— Тогда разговора не было.

— Я могу провести госпожу Рит как технического консультанта.

— С правом копировать результаты.

— С правом заверять копии, — уточнил он. — Это сильнее.

Сана приподняла бровь.

— Учитесь, Мира. Так торгуются люди, которым запрещено говорить «да».

Я записала формулировку.

— И ещё одно. Любые расчёты, где есть моё имя, имя Леи или подпись артели, открываются полностью.

Тален посмотрел на тёмную часть пластины.

— Я показал всё, к чему имею доступ.

— Это не то же самое, что «всё».

— Нет.

— Значит, добудете доступ.

Тишину пререзал новый стук — быстрый, раздражённый. Аварийная бригада.

Тален застегнул пальто, но знак этического круга оставил на столе.

— Если инспектор увидит сосуд, его изымут.

— Клиент запретил передачу.

— У вас нет его подписи.

— У меня есть свидетель.

Сана усмехнулась:

— Два, если астроном вспомнит, что этика существует не только в названии должности.

Тален подошёл к двери и приложил служебный ключ к внутренней пластине замка. Металл вспыхнул синим. На моём столе ожил пустой футляр: внутри развернулась официальная строка карантинного предписания.

«Сосуд представляет риск обратного влияния на главный круг. До окончания совместного аудита перемещение запрещено».

Под строкой стояла его личная печать.

— Это защитит ампулу до полудня, — сказал он. — Потом мне придётся предъявить первичные данные.

— Которые исчезли из архива семь раз.

— Поэтому в десять утра я приду за вами. Войдём вместе.

— В девять, — сказала Сана. — В девять там уже успеют навести порядок.

— В девять хранилище закрыто.

— Значит, меньше свидетелей.

Он почти улыбнулся. Почти — потому что увидел пластину прогноза. Число поднялось до восьмидесяти четырёх.

Я накрыла её ладонью.

— Эту вещь вы оставите здесь.

— Она является закрытым документом.

— В котором без согласия использованы мои данные. Вы хотите равный аудит — начните с равного риска.

За дверью снова постучали. Тален протянул мне служебный ключ.

— Пластина откроется только рядом с ним. Ключ даёт доступ в служебный коридор и к журналу перемещений. Не к самим прогнозам.

Я не взяла.

— Почему я должна верить, что это не метка слежения?

— Не должны. Госпожа Рит может разобрать корпус.

Сана приняла ключ щипцами и сразу понесла к спектральному столу.

— В девять, — сказала она.

— В девять, — согласился Тален.

Перед тем как открыть дверь, он вернул знак этического круга на воротник. Я поняла: не ради аварийщиков. Ради тех, кто мог прийти вместе с ними.

На пороге он обернулся.

— Госпожа Вей, до утра не прикасайтесь к нерушимой клятве.

— Вы решили завершить разговор приказом?

— Предупреждением. Чёрная метка означает, что главный круг уже ищет совпадение.

— С чем?

— С тем обещанием, которое вы не нарушали.

Он открыл дверь. В мастерскую вошли двое энергетиков, за ними инспектор в белом пальто и трое замёрзших соседей, требующих объяснить, почему им достался только половинный свет.

Тален заговорил первым. Он назвал аварию сбоем Обсерватории и предъявил личную печать. Ни разу не упомянул мою попытку прочесть запрещённый слой.

Это не делало его достойным доверия.

Но впервые за вечер он заплатил за своё решение не моим молчанием, а собственной подписью.

Пока инспектор сверял предписание, Сана вернулась от стола и незаметно показала мне разобранный ключ. Внутри не было передатчика. Только тонкая игла доступа и выгравированный номер этика.

Я посмотрела на Талена. Он отвечал за погасший квартал так спокойно, словно давно готовился потерять должность из-за чужой ампулы.

Под моей ладонью закрытая пластина нагрелась.

Я убрала руку и увидела, как восемьдесят четыре превращается в восемьдесят шесть.

Тогда я перевернула прогноз стеклом вниз.

Не из страха перед тем, что он обещал.

Из нежелания позволять числу присутствовать при следующем моём выборе.

Глава 3. Сестра без созвездия

Лея жила на улице, где свет включали не по часам, а по убедительности чужих обещаний.

У домов с высоким индексом устойчивости фонари горели до рассвета. Над подъездами мерцали маленькие созвездия: супружеская верность, семейная забота, деловое доверие. Чем ровнее линии, тем дешевле обходились жильцам тепло и вода. На нашей стороне улицы знаки были тусклыми. В двух местах вместо них чернели пустые крепления.

Созвездие над домом Леи сняли совсем.

Я остановилась у двери, чувствуя в кармане тяжесть служебного ключа Талена. Сана разобрала его, проверила каждую пластину и собрала заново. Передатчика не нашла. Зато обнаружила на игле семь затёртых отметин — ключ уже открывал то самое хранилище, куда нам предстояло войти утром.

До девяти оставалось шесть часов.

Я постучала условным ритмом: два коротких, один длинный. В детстве так мать звала нас домой со двора, когда световая пыль становилась густой.

За дверью что-то упало.

— Если ты принесла еду, оставь у порога, — сказала Лея. — Если совет — заberi обратно.

— Я принесла плохую новость.

— Тогда входи. Их у меня коллекция.

Дверь открылась на ширину ладони. Лея была босиком, в рабочем фартуке поверх ночной рубашки. На щеке блестела медная стружка. За её спиной чадила единственная лампа, соединённая с тремя самодельными отражателями. Комната походила на внутренность линзы: проволочные кольца висели под потолком, стеклянные диски занимали подоконник, на столе лежала разобранная модель городского неба.

— Ты опять не спишь, — сказала я.

— Ты опять начинаешь не с того.

Я сняла пальто и повесила его на сломанный рычаг у двери. Лея заметила свинцовую коробочку в моих руках.

— Что там?

— Не ампула. Копия спектра.

— Чьего?

— Твоего.

Она не отступила. Только большим пальцем стёрла стружку со щеки и посмотрела на медный след, будто он принадлежал кому-то другому.

— Садись, — сказала она.

На единственном свободном стуле лежала стопка отказов. Я подняла её, чтобы освободить место. На верхнем листе стояла печать мастерской точных линз и знакомая формулировка: «Недостаточная прогнозная устойчивость для доступа к долговременному оборудованию».

— Сколько их?

— Теперь двенадцать.

— Ты говорила о четырёх.

— Когда их было четыре.

— Лея.

— Мира.

Она произнесла моё имя тем же тоном, каким я произнесла её: как предупреждение не превращать имя в повод распоряжаться.

Я положила отказы обратно.

— Я не буду звонить владельцам мастерских.

— Уже звонила?

— Нет.

— Хорошо. Потому что после твоих звонков они либо делают одолжение, либо боятся артели. В обоих случаях я остаюсь сестрой Миры Вей, а не мастером.

Я могла возразить, что она была моей сестрой задолго до того, как стала мастером. Но именно поэтому промолчала.

Лея погасила паяльное жало, села напротив и протянула руку к коробочке.

— Показывай.

— Сначала скажи, почему над домом сняли знак.

Она отдернула руку.

— Нет.

— Это связано с отказами?

— Ты пришла спросить о спектре или провести дознание?

— Я пытаюсь понять, в какой опасности ты находишься.

— А я пытаюсь понять, покажешь ли ты мне мои данные без платы за послушание.

Слова легли точно. Неприятно точно.

Я открыла коробочку. Внутри лежало матовое стекло, на которое Сана перенесла только безопасный слой ампулы: след Леи, помету о сестринской связи и номер, под которым в городском реестре значилась наша артель. Я подвинула стекло к ней.

— Это всё, что я могу вынести из мастерской, не нарушив запрет клиента. Оригинал там. Ты можешь смотреть одна. Можешь разбить копию. Можешь ничего мне не объяснять.

Лея изучала моё лицо дольше, чем пластину.

— Вот так сразу?

— Я учусь.

— В три часа ночи?

— Хорошее время. Свидетелей мало.

Она фыркнула и поднесла стекло к лампе.

Золотой узор проступил не весь. В середине дрожал тонкий голубой изгиб — спектр Леи. Я знала этот цвет с её ученических лет: редкая чувствительность к боковому свету, способность замечать искажение там, где остальные видели ровный луч. Под изгибом темнела строка: «СВЯЗЬ: СЕСТРИНСКАЯ».

Лея перевернула пластину.

— Я этого не давала.

— Уверена?

— Ты спрашиваешь, не забыла ли я клятву, из-за которой другой человек потерял имя близкого?

— Я спрашиваю, могла ли какая-то формулировка звучать иначе. Ученический договор, обязательство перед мастерской, согласие на прогноз.

Она положила стекло на стол так осторожно, словно хотела доказать: злость не лишает её точности.

— Я не давала тебе права проверять мою память.

— Не давала.

— И права спасать меня без вопроса тоже.

— Не давала.

— Тогда почему ты уже решила, что утром войдёшь в Обсерваторию из-за меня?

Я посмотрела на разобранное небо у неё на столе. В центре модели не хватало одной линзы. Без неё созвездия отношений не соединялись, зато отдельные звёзды выглядели ярче.

— Не только из-за тебя. В ампуле моя подпись. Человек после извлечения не смог назвать адресата. Погас целый квартал. Кто-то копирует клятвы через прогнозы и ставит на них знак «Тихого шва».

— А астроном?

— Какой астроном?

— Тот, чей ключ оттягивает тебе карман.

Я вынула ключ и положила рядом со стеклом.

— Тален Ор. Этик Обсерватории.

— Ты ему веришь?

— Нет.

— Поэтому носишь его ключ.

— Поэтому Сана его разобрала.

Лея улыбнулась одним углом рта.

— Это уже больше похоже на тебя.

Я рассказала о семи исчезнувших ампулах и четырёх найденных владельцах. О повторном извлечении из отражения клятвы. О том, как прогноз способен превратить ожидание в новое обещание, а потом — в новый разрыв. Не рассказала только о пластине с нашими с Таленом именами. Не потому, что это касалось лишь меня. Наоборот: я слишком хорошо почувствовала, как легко назвать личным то, что может изменить решения другого человека.

Лея выслушала, не перебивая. Потом собрала отказы и разложила их по датам.

— Первый пришёл через два дня после того, как меня внесли в карту нестабильных связей, — сказала она. — Последний — вчера.

— За что тебя внесли?

— За отсутствие.

— Отсутствие чего?

— Созвездия.

Она подала мне лист, который лежал внизу стопки. Это был не отказ, а уведомление жилищного управления.

«Индекс подтверждённых отношений: недостаточно данных. Прогноз взаимной поддержки: не определён. Категория надёжности: серая».

— У тебя есть я, — сказала я. — Есть Сана. Друзья в школе линз.

— У меня есть люди. У них нет права считать этих людей.

— Ты не подавала данные?

— Отказалась обновлять карту после выпуска. Тогда ученический контракт ещё давал мне временный индекс. Через месяц он исчез, и дом повысил плату за свет. Ещё через месяц первая мастерская отозвала место.

Я перечитала уведомление. Внизу мелко указывалось: решение принято по лицензированному прогнозу Обсерватории и обжалованию не подлежит, потому что прогноз не является фактом.

— Они наказывают тебя документом, который сами не считают фактом.

— Нет, Мира. Они предлагают мне стать удобной. Достаточно зарегистрировать постоянного партнёра, семейную опеку или трудовую клятву на семь лет. Тогда у неба появятся линии.

— Трудовую клятву можно расторгнуть.

— С потерей допуска. А партнёра мне предлагается завести ради тарифа на горячую воду.

Она сняла с крючка кружку и налила туда воду из холодного чайника. На дне плавала световая пыль.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что ты предложила бы деньги.

— Я могу оплатить разницу без условий.

— Можешь. А через год? Через пять? Когда тебе надоест? Когда твоя артель потеряет лицензию? Когда ты решишь, что я неправильно трачу твою помощь?

— Я бы так не решила.

Лея кивнула на золотую строку между нами.

— Обсерватория, похоже, решила за тебя.

Я снова посмотрела на помету «СВЯЗЬ: СЕСТРИНСКАЯ». В мастерской она казалась указанием на преступление. Здесь — инструкцией к моей привычке. Если я называла заботу нерушимой, это ещё не делало всякий мой поступок заботой.

— Чего ты хочешь от меня сейчас? — спросила я.

Лея ответила не сразу.

— Чтобы ты не забирала оригинал в Обсерваторию.

— Он останется в «Тихом шве» до независимого осмотра.

— Чтобы не подписывала ничего от моего имени.

— Не подпишу.

— Чтобы добыла копию моего ученического договора и все расчёты, где он использован.

— Это я могу обещать.

— Не надо обещать.

Я осеклась.

Она постучала ногтем по стеклу.

— Скажи, что собираешься сделать. Этого достаточно.

— Я собираюсь получить документы. Передам их тебе. Решение о том, как ими распорядиться, будет твоим.

— Лучше.

— И ещё я собираюсь выяснить, почему твой спектр оказался в чужой клятве.

— Вместе со мной.

— Утром в хранилище опасно.

— Вот оно.

— Что?

— Место, где «вместе» у тебя превращается в «жди дома».

Я сжала пальцы под столом. Хотелось перечислить всё, что могло случиться: изъятие данных, арест за доступ, обратный удар линзы. Хотелось напомнить, что я старше, опытнее, знаю устройство хранилищ. Все доводы были разумными. Ни один не давал мне власти решить за неё.

— Тален оформил допуск на меня и Сану, — сказала я. — Тебя стража не пропустит.

— Значит, я не войду. Но буду рядом.

— Зачем?

Лея повернула модель неба и установила на пустое место прозрачный диск. По комнате разбежались линии — но не между звёздами, а вокруг них. Каждая точка оказалась окружена собственным тонким кольцом.

— Я строю слепую линзу. Она видит спектр клятвы, но не видит владельца и не складывает людей в пары. Если принести её к стене хранилища, я смогу отличить настоящий след от навязанной связи.

— На каком расстоянии?

— Пока на двух шагах.

— Стена Обсерватории толщиной в три ладони свинцового стекла.

— Поэтому до утра мне нужна не сестра-спасительница, а сборщица с опытом экранирования.

Вот чего она хотела. Не места за моей спиной. Места рядом с работой.

Я взяла диск. По краю шли насечки, слишком частые для обычной фокусировки. Каждая принимала часть света, не позволяя ему собраться в изображение человека.

— Здесь будет перегрев, — сказала я. — На шестой насечке.

— На пятой.

— Если поток городской.

— А в хранилище поток сильнее. Значит, на четвёртой.

Я вынула из волос медную шпильку и провела концом между кольцами.

— Сделай отвод сюда. Не к заземлению дома — оно связано с индексом. В отдельную ампулу.

— Пустую?

— С соляным раствором. Он примет жар, но не спектр.

Лея уже искала трубку. Я придержала модель, пока она снимала внешний обод. Мы работали молча, как прежде в маминной кухне, когда чинили первую учебную лампу. Только тогда я не позволяла Лее касаться горячего металла. Теперь она забрала у меня паяльник и сказала:

— Держи ровнее.

Я держала.

Через час диск выдержал короткий импульс от служебного ключа. Линий между нашими отражениями не появилось. Вокруг каждого возникло отдельное кольцо, и оба остались целыми.

— Почему слепая? — спросила я.

— Потому что для Обсерватории безымянность — слепота. Для меня это граница.

Она завернула линзу в тёмную ткань и положила в футляр.

— Я буду ждать на северной лестнице. Если через сорок минут после входа вы не выйдете, приложу диск к вентиляционному шву.

— И что сделаешь, если увидишь твой спектр?

— Запишу. Потом уйду.

— Одна?

— С тем, кого сама выберу.

Я кивнула. Это было не согласие старшей сестры. Оно ей не требовалось. Это было подтверждение условий напарника.

Перед уходом я взяла копию спектра, но Лея накрыла её ладонью.

— Оставь.

— В доме слабая защита.

— Это мои данные.

Я убрала руку.

У двери она спросила:

— Что ещё тебе показал Тален Ор?

Вопрос застал меня уже в пальто. Можно было сказать: служебные записи. Семь пропавших ампул. Механизм повторного извлечения. Всё это было правдой и всё — не ответом.

— Прогноз обо мне и о нём, — сказала я. — По расчёту, наше длительное общение с высокой вероятностью изменит мою нерушимую клятву.

Лея посмотрела не испуганно, а внимательно.

— Ту самую?

— Ту самую.

После смерти матери я поклялась всегда удерживать Лею от падения. Нам было двадцать и двенадцать. Я не знала, что Обсерватория когда-нибудь научится измерять такие слова. Не знала и того, что удерживать можно слишком крепко.

— Он скрыл прогноз, чтобы не влиять на меня, — продолжила я. — А потом показал, когда скрывать стало опаснее.

— И что ты решила?

— Что он не имеет права выбирать за меня.

— Я спрашиваю не про него.

Я посмотрела на снятое созвездие над дверью. Четыре пустых винта торчали из камня, но дом не рухнул и Лея не исчезла. Она стояла передо мной, взрослая, усталая, упрямая, с собственной линзой в руках.

— Я решила войти в хранилище, — сказала я. — Остального пока не решила.

— Значит, не позволяй числу притвориться решением.

Я вышла на улицу. Перед рассветом световая пыль опускалась ниже крыш и делала фонари похожими на звёзды, которые заблудились среди людей.

На противоположной стороне горело безупречное созвездие благополучного дома. Его линии соединяли имена жильцов так плотно, будто ни один из них не мог уйти, не погасив остальных.

Над дверью Леи не было ничего.

Впервые пустое место показалось мне не ущербом, а отказом дать чужой машине название для её жизни.

Я направилась к «Тихому шву». До встречи с Таленом оставалось меньше четырёх часов. В кармане лежал ключ от хранилища, а в северной части города моя сестра готовила линзу, способную увидеть клятву и не присвоить человека.

Мы не стали безопаснее.

Но теперь каждая из нас сама выбрала свой риск.

Глава 4. Имя, которое не произнести

К девяти утра Обсерватория уже включила дневное небо.

Над площадью горели созвездия, которых не существовало: Дом Верных Супругов, Цепь Надёжных Служащих, ладонь Благодарного Должника. Световые линии дрожали в пыли, соединяя звёзды так уверенно, словно город мог избавиться от всякой боли, если правильно назовёт отношения между людьми.

У северной лестницы стояла Лея. Тёмный футляр со слепой линзой висел у неё через плечо. Рядом с ней ждал высокий парень в курьерской куртке без знаков Обсерватории.

— Это Ной Сев, — сказала Лея прежде, чем я успела спросить. — Я выбрала его.

Ной коротко кивнул. На его запястье белела полоса старого ожога от ампулы.

— Доставляю клятвы между артелями и городскими накопителями, — сказал он. — Иногда доставлял одни и те же номера дважды. Теперь записываю, кому.

— У тебя есть допуск?

— Нет.

— Тогда оставайтесь снаружи. Сорок минут. Если мы не выйдем, Лея проверяет вентиляционный шов и уходит с тобой. Не пытаетесь войти, не спорите со стражей.

Лея прищурилась.

— Это просьба или приказ?

— Условие нашего общего плана. Можешь отказаться.

Она подумала и протянула мне маленькую пустую ампулу с мутным соляным раствором.

— Принимаю. Если увидишь мой спектр, не касайся его голой рукой.

— Даже если он будет выглядеть безопасным?

— Особенно если будет выглядеть безопасным.

Мы разошлись без объяснений. Раньше я сочла бы это дурным знаком. Теперь — точностью.

Тален ждал у бокового входа. Он сменил ночной сюртук на серую служебную одежду, но выглядел так, будто не спал дольше меня. Под глазами легли тени, на воротнике осталась неровная складка. В руках он держал папку и два прозрачных щитка.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал он.

— Я сообщала сестре данные, которые касаются её жизни.

— Тогда это я назначил встречу на три минуты раньше, чем следовало.

Он не посмотрел на северную лестницу. Я отметила это как усилие, а не равнодушие.

У двери Тален выдал мне один щиток и открыл папку. В разрешении значились наши имена, номер задержанной ампулы и цель: проверка нарушения карантина. Ни Леи, ни «Тихого шва» в строке объектов исследования не было.

— Сана отказалась идти? — спросил он.

— Она осталась с клиентом. Если мы исчезнем, у него будет человек, который помнит всю процедуру и не зависит от вашей службы.

— Разумно.

— Это не похвала вам.

— Я понял.

Стражница приложила разрешение к чёрному стеклу. В глубине двери вспыхнули восемь имён — прежние проходы по тому же делу. Семь были зачёркнуты. Восьмое скрывала серая полоса.

— Кто входил последним? — спросила я.

— Сведения закрыты, — ответила стражница.

Тален поднял служебный ключ.

— Этический аудит класса три.

— Для класса три доступна дата, но не имя.

— Тогда дату.

— Сегодня, шесть двенадцать.

В шесть двенадцать ампула находилась в запёртом шкафу «Тихого шва».

Тален расписался под отметкой. Я не стала произносить очевидное при страже. Если дверь считала, что сосуд уже проходил через неё утром, кто-то либо скопировал номер, либо научил реестр видеть отсутствующий предмет.

За дверью пахло холодным металлом и грозой. Коридоры Обсерватории были слишком широкими для людей и ровно настолько узкими для перевозочных рам. По медным желобам под потолком текло золотое свечение. Оно приходило из городских накопителей, где наши ампулы теряли лица и становились единицами мощности.

Я много лет сдавала сюда разрывы и никогда не проходила дальше приёмного зала.

— Где хранятся оригиналы согласий? — спросила я.

— В верхнем архиве.

— А ученические договоры?

— В договорном круге.

— Нам туда.

— Наш допуск ведёт в карантинное хранилище.

— В моих условиях были расчёты по Лее.

— И вы их получите.

— После того как кто-нибудь успеет убрать восьмой проход?

Тален остановился у развилки. Левая галерея поднималась к архивам, правая уходила вниз, к хранилищам. Между ними висел указатель, показывающий не направления, а вероятность допуска: двадцать три процента налево, девяносто один направо.

— Я могу провести вас в договорный круг, — сказал он. — Но тогда система немедленно уведомит директора. Карантинный маршрут даёт нам примерно полчаса без её подписи.

— Вы знали о такой развилке до встречи?

— Да.

— Почему не сказали?

Он снял перчатку и приложил ладонь к указателю. Число слева поднялось до тридцати двух.

— Потому что надеялся сначала получить доказательство внизу и увеличить шанс доступа наверх.

— Вы опять решили, какой порядок сведений полезнее для моего выбора.

— Да.

Ответ прозвучал без защиты, и от этого рассердил сильнее.

— Полный доступ означает не только те данные, которые вы считаете своевременными.

— Согласен. Исправляю сейчас: директор Этта Лор подписала распоряжение об очистке карантинного круга в девять сорок. Если пойдём наверх, оригиналы внизу могут исчезнуть. Если вниз — договор Леи могут закрыть прежде, чем мы доберёмся до него.

— Вот теперь это выбор.

На северной стене часов не было, но я ощущала каждую минуту как натяжение шва. Лея ждала снаружи ради собственного договора. Без ампулы договор оставался историей давления, но не доказательством копирования. Без договора спектр Леи можно было объявить случайным совпадением.

— Вниз, — решила я. — Сначала то, что уничтожат в девять сорок. Но вы прямо сейчас отправите в договорный круг требование заморозить все записи по Лее Вей.

— Требование увидит директор.

— Она и так ждёт очистки.

Тален вынул тонкую служебную пластину. Не успел он коснуться строки, как по ней пробежало красное: «Имя не найдено».

Он ввёл снова. Тот же ответ.

— Лея Вей училась здесь шесть лет, — сказала я.

— Я помню её дело.

— Реестр — нет.

— Или помнит под другим именем.

Тален отправил запрет по номеру ученического контракта, который Лея назвала мне ночью. Пластина приняла запрос, но вместо владельца показала: «Адресат не определён».

Мы побежали вниз.

Карантинное хранилище начиналось за тремя круглыми дверями. Первая проверила ключ Талена, вторая — мою ремесленную лицензию, третья попросила назвать связь с предметом проверки.

— Сборщица, выполнившая первичное извлечение, — сказала я.

Дверь пропустила меня.

— Астроном этики, открывший дело, — сказал Тален.

Красный обод мигнул.

— Связь не подтверждена.

Он повторил. Дверь отказала снова.

— Дайте ключ, — сказала я.

— Ключ именной.

— Ночью Сана установила, что он открывает последовательность, а не личность. Я войду одна.

— Это нарушит наши условия безопасности.

— Мои условия включали равный доступ, не постоянное сопровождение.

— Внутри активная линза. Если начнётся обратное извлечение...

— Вы останетесь здесь и отключите питание.

Он задержал ключ на ладони.

— Я не пытаюсь удержать вас.

— Тогда что?

— Пытаюсь понять, не выдаю ли вам инструмент, который система уже подменила.

Я достала соляную ампулу Леи.

— Поэтому я беру свой.

Тален отдал ключ.

Третья дверь закрылась за мной, и все городские звуки исчезли.

Внутри стояли семь сосудов. Не семь ампул — семь больших стеклянных колб, каждая размером с человеческое сердце. Их соединяли с центральной линзой тонкие трубки. На постаментах были номера пропавших ампул из списка Талена. В первой колбе светился тусклый янтарный разрыв. Во второй — такой же. И в третьей. Различались лишь метки владельцев.

Я подняла щиток. Спектральный рисунок повторялся до последней трещины.

Клятву не извлекали семь раз. Один разрыв размножили и заставили реестр считать копии разными утратами.

За стеклом двери Тален что-то сказал, но звук не прошёл. Я показала ему два пальца, затем семь: один источник, семь записей. Он кивнул и начал снимать показания со своей стороны.

Восьмой постамент пустовал. На нём был номер ампулы из «Тихого шва».

Я подошла ближе. Над пустым гнездом висела световая надпись: «Извлечение завершено. Остаток утилизирован». Время — шесть двенадцать.

Это был не отчёт о будущем действии. Система утверждала, что уже получила наш сосуд, хотя он оставался в запёртом шкафу под рукой Саны.

Из центральной линзы вышла золотая нить. Она потянулась к пустому постаменту, свернулась в воздухе и начала обрастать стеклянным контуром.

Я поняла, что вижу рождение копии.

Прогноз не ждал нарушенной клятвы. Он воспроизводил её отражение по данным и оформлял отражение как новый разрыв. Потом этот разрыв можно было продать, сжечь, извлечь повторно — и каждый раз человек на другом конце терял ещё одно слово для своей связи.

В воздухе сложилась человеческая фигура. Без лица, без одежды, составленная из золотых линий. Та самая поза, в которой сидел мой клиент: плечи вперёд, ладони на коленях, голова повернута к двери.

— Остановите питание! — крикнула я.

Тален не услышал, но увидел движение моих губ. Он ударил ключом по внешней панели. Свет в трубках погас не весь. Три колбы продолжали пульсировать, питая друг друга.

Фигура подняла голову.

— Я обещал вернуться, — сказала она голосом клиента.

Я знала это. Эту фразу он произнёс до извлечения.

— К кому? — спросила я.

У фигуры не было рта, но золотые линии на лице задрожали.

— К...

Первая колба вспыхнула.

— К той, которая ждала.

— Как её зовут?

Вторая колба отдала свет.

— Я помню кухню. Синюю чашку. Она оставляла окно открытым, даже зимой.

— Имя.

Фигура схватилась за горло. Третья колба потемнела, зато над пустым постаментом проступил новый слой стекла.

— Имя не требуется для расчёта, — произнесла линза уже другим голосом, ровным и бесполым. — Связь классифицирована.

— Имя требуется человеку.

— Человек получил возмещение.

Я поднесла щиток к формирующейся копии. На нём появился знакомый чёрный знак «Тихого шва». Система не только крадала разрыв — она подписывала его нашей артелью, превращая нас в согласившихся поставщиков.

Под знаком медленно проступил голубой изгиб Леи.

Не касайся голой рукой.

Я вынула соляную ампулу, приложила её к краю щитка и замкнула медный отвод. Жар ударил в пальцы через перчатку. Раствор вскипел, но голубая линия не перешла внутрь. Она осталась на стекле копии — не как часть клятвы клиента, а как рамка, которой классификатор обозначил сестринскую связь.

Спектр Леи был не источником. Он был меркой.

Её ученический договор использовали, чтобы научить систему узнавать заботу между сёстрами. Затем любую подходящую память можно было пометить тем же рисунком, предсказать нарушение и получить новый разрыв.

Я поставила ампулу в гнездо отвода. Соляной пар затуманил щиток, зато на нём сохранился отпечаток всех слоёв: голос клиента, подпись артели, спектр Леи, команда формирования.

Снаружи Тален показал мне раскрытую ладонь, затем сжал кулак: уходить немедленно. На двери за его плечом зажглась красная полоса. Очистка началась раньше срока. Я сняла отпечаток и шагнула к выходу. Центральная линза повернулась вслед за мной.

— Укажите адресата, — потребовала она.

— Моего?

— Адресата нерушимой связи.

Щиток потяжелел. Золотые линии поползли по его краям к моей руке, пробуя найти шов, который я носила с двадцати лет.

Передо мной возникла не Лея, а прогноз Леи: маленькая девочка у края крыши, всегда на расстоянии одного шага от падения. Машина показывала мне образ, которым проще всего было оправдать контроль.

— Укажите имя, — повторила линза.

Если бы я назвала Лею, система получила бы подтверждение мерки. Если бы солгала, ложь могла стать новым обещанием. Я вспомнила, как клиент описывал синюю чашку и зимнее окно, удерживая всё, кроме единственного слова, которое связывало память с живым человеком.

— Она не ваш адресат, — сказала я. — И не мой объект.

Я разбила соляную ампулу о медный желоб.

Пар рванулся вверх. Линии на щитке погасли, а маленькая Лея у крыши рассыпалась на отдельные звёзды. В ту же секунду Тален обесточил внешний контур. Дверь открылась.

Он втащил меня в коридор за локоть и сразу отпустил.

— Можно? — спросил он, указывая на обожжённую перчатку.

— Можно.

Он снял её и накрыл мою ладонь охлаждающей пластиной. Его пальцы дрожали едва заметно.

— Вы слышали голос? — спросила я.

— Только требование назвать адресата. Остальное записалось на вашем щитке.

— Там была модель клиента. Она помнила всё, кроме имени. И система ответила за неё: имя не требуется.

Тален посмотрел на семь колб за стеклом.

— Для прогноза действительно достаточно класса связи.

— А для человека недостаточно.

— Да.

Красная полоса дошла до последней отметки. Внутри хранилища свет вспух белым. Колбы начали мутнеть.

Тален приложил свой ключ к моему щитку. Тот запросил владельца копии.

— Мира Вей, — сказала я.

— Вы уверены? Запись свяжут с вашей лицензией.

— Именно поэтому.

Он подтвердил. Отпечаток запечатался под моим именем за секунду до того, как стекло за дверью стало непрозрачным.

Сверху донёсся звон — не тревога, а мягкое приглашение явиться к директору.

— Заморозка договора прошла? — спросила я.

Тален проверил пластину.

— Запрос принят. Дело перенесено в верхний архив под основанием «спор об адресате».

До вечера его нельзя изменить без вашего присутствия.

— Моего?

— Вы зарегистрированы как сторона, заявившая имя.

— Но я не называла Лею внутри.

— Зато называли себя на доказательстве. Иногда системе достаточно одного человека, который согласен отвечать за сказанное, чтобы перестать притворяться безличной.

Мы вышли на северную лестницу через тридцать семь минут после входа.

Лея уже держала слепую линзу у вентиляционного шва. Вокруг стекла мерцали семь отдельных колец и восьмое, ещё не замкнувшееся. Ной записывал номера.

— Мой спектр там? — спросила она.

— Да. Но не как твоя клятва. Как учебная мерка для распознавания сестринской связи.

Я протянула ей запечатанный щиток, не выпуская из рук.

— Это копия доказательства. На ней моё имя. Оригинал твоего договора заморожен до вечера. Я могу передать тебе щиток сейчас или оставить у независимого хранителя. Решай ты.

Лея посмотрела на Ноя.

— Союз доноров хранит свидетельства в трёх местах, — сказал он. — Ни одно не принадлежит Обсерватории или артели.

— Тогда ему, — решила она.

Я отдала щиток Нюю.

Тален не возразил, хотя на пластине в его руке вспыхнуло предупреждение о выносе служебных данных. Он просто приложил палец к строке и подтвердил передачу как этически необходимую.

— Клиент жив? — спросил Ной.

— Да.

— Он помнит адресата?

— Помнит человека. Не может произнести, кем тот ему был и как его зовут.

Ной закрыл щиток тёмной тканью.

— Таких у нас девятнадцать.

— Четверо, — сказал Тален. — В деле было четверо.

— В вашем деле.

Ной назвал три номера. Я узнала два: ампулы прошли через «Тихий шов» за последний год. За каждую мы получили обычную закупочную цену. За каждую я подписала акт, не спрашивая, сколько раз свет продадут дальше.

На площади дневные созвездия перестроились. Ладонь Благодарного Должника исчезла, уступив место новому знаку — Замкнутому Сердцу. Голос городского бюллетеня объявил, что краткая неполадка в Обсерватории устранена и достоверность прогнозов остаётся высокой.

— Нам нужно вернуться к клиенту, — сказала я. — Пусть он сам решит, станет ли его память свидетельством.

— Он может не суметь назвать согласие, — заметил Тален.

— Согласие — это не имя связи. Он может сказать «да», «нет» или попросить время. Мы запишем именно это.

Лея убрала линзу в футляр.

— А мой договор?

— Вечером пойдём за ним вместе. Если ты захочешь.

— Захочу. Но сначала покажешь мне запись.

— Всю.

Я посмотрела на Талена.

— Всю, — подтвердил он.

С верхних дверей Обсерватории к нам уже спускались двое служащих в белых плащах. Они шли без спешки людей, уверенных, что улица тоже принадлежит их учреждению.

Ной спрятал щиток под куртку и растворился в утренней толпе. Лея пошла в другую сторону со слепой линзой. Мы не стали держаться рядом и тем самым указывать, кого следует остановить.

Я осталась с Таленом на лестнице.

— Директор вызвала нас обоих, — сказал он.

— Пусть подождёт.

— Если мы уйдём, мой допуск приостановят.

— А если останемся, клиент может потерять ещё одно слово.

Тален посмотрел вслед Лее, потом на закрытые двери хранилища. Никакого числа над его головой не появилось. Небо не подсказало, какая потеря допустимее.

Он снял служебный знак и положил в карман.

— Ведите к нему.

Это не вернуло клиенту имени. Не уничтожило семь колб и не освободило договор Леи. Но впервые с нашей встречи Тален выбрал не то действие, которое сохраняло ему больше власти над следующим решением.

Мы спустились с лестницы, пока служащие звали нас по именам.

После хранилища я слышала в этом не только угрозу.

Имя можно было использовать, чтобы найти человека, оценить его, связать с долгом и назначить ему судьбу. Но имя оставалось и способом не дать превратить живую связь в удобный класс.

Мой клиент помнил синюю чашку и открытое зимой окно.

Теперь нам предстояло спросить, хотел ли он вернуть человеку за этими воспоминаниями право быть названным — даже если произнести имя за него пока мог кто-то другой.

Глава 5. Цена задержанного света

Первым нас встретил не клиент, а запах остывшего железа.

Он тянулся от нижних улиц, где печи обычно не гасли даже летом. Там плавил стекло, сушили бинты, кипятили воду в общих прачечных и заряжали дешёвые домашние линзы. Теперь над крышами не дрожал привычный золотой жар. Дым лежал серыми полосами, будто квартал задержал дыхание.

Тален поднял голову к городским нитям. Три из пяти были тёмными.

— Это плановое перераспределение? — спросила я.

Он достал служебную пластину. На ней всё ещё мигал вызов директора, но поверх него проступила карта сети.

— Нет. Южный накопитель ушёл в защиту двенадцать минут назад.

— После очистки хранилища?

— После того, как карантинный круг запросил замену вашей ампулы и не получил её.

Я остановилась.

Слова были устроены удобно: круг запросил, сеть не получила, накопитель ушёл. Ни одного человека, который принял решение. Ни одной руки, повернувшей заслонку.

— Сколько света не хватает?

Тален провёл пальцем по строкам.

— Официально — одна ампула высокого класса на шесть часов.

— А неофициально?

Он раскрыл технический слой. Красные ветви разбежались по карте от нижнего склона.

— Если вернуть больницы, водогрейням и сигнальным башням обязательный минимум, жилые дома останутся без питания до ночи. Мастерские — до завтра.

— Из-за одного сосуда?

— Из-за того, что Обсерватория построила утренний баланс так, словно сосуд уже доставлен. В реестре он был принят в шесть двенадцать.

Копия в карантинной колбе успела стать для города настоящей раньше оригинала. Когда очистка уничтожила подделку, сеть не признала ошибку. Она назначила недостаточей то, что мы отказались отдать.

С южной улицы выбежала девочка с жестяным кувшином. За ней шёл мужчина в кожаном фартуке, держа обеими руками медный короб. Из щелей короба сочился пар.

— С дороги! — крикнул он. — Ожоговый раствор!

Мы прижались к стене. Девочка увидела служебную одежду Талена и резко остановилась.

— Вы из Обсерватории?

— Да, — ответил он.

— Тогда включите воду у Пятой прачечной. Там котёл закрылся с людьми внутри.

Тален уже искал узел на карте.

— Защитная дверца должна открываться вручную.

— Должна, — передразнил мужчина с коробом. — Только ручной привод сняли весной. Сказали, прогноз перебоев меньше двух процентов.

Он не стал ждать ответа. Они побежали дальше.

— Можно открыть узел отсюда? — спросила я.

— Моего допуска хватило бы час назад.

— А теперь?

На пластине вместо карты появился белый круг: «Полномочия временно ограничены. Явитесь к директору».

Тален спрятал её.

— Теперь я могу предложить совет.

— Предлагайте на бегу.

Пятая прачечная стояла внизу, рядом с водосборником. У дверей толпились люди. Изнутри доносился глухой стук, а над крышей висел неподвижный клапан. Электрическая защёлка удерживала его закрытым, потому что погасшая сеть не успела завершить последний приказ.

Сана уже была там.

Она увидела нас, выругалась одним коротким словом и сунула мне клещи.

— Клиент?

— В артели. Спит. Я оставила с ним соседку и прибежала, когда погасли печи. Держи заслонку.

— Почему ты не открыла запас?

— Открыла. Его хватило на две улицы. Обсерватория отрезала обратный ток, чтобы мы не подпитывали квартал в обход счётчика.

Я вцепилась клещами в медную тягу. Она не двигалась.

— Тален, здесь есть аварийный шов?

Он обошёл котёл, провёл ладонью вдоль кирпичной кладки и указал на три заклёпки.

— Если разомкнуть среднюю, защёлка решит, что дверца разрушена, и сбросит давление.

— Решит или прогнозирует?

— В данном случае это одно и то же.

Сана вскинула молоток.

— Отойдите.

После второго удара заклёпка лопнула. Клапан дёрнулся, из трубы вырвался пар. Люди у дверей закричали, но запорный круг наконец повернулся. Из прачечной вышли пятеро женщин и старик, мокрые, красные от жара. Последней вынесли работницу без сознания.

Тален опустился рядом с ней, проверил дыхание и помог мужчине с медным коробом закрепить охлаждающую повязку. Никто не спросил его разрешения. Никто не поблагодарил.

Я смотрела на тёмные окна над прачечной. В одном плакал ребёнок. В другом пожилая женщина крутила ручку домашней линзы, не понимая, почему та не загорается.

— Ампула всё ещё у нас? — тихо спросила я Сану.

— В соляном гнезде. Я отключила от неё даже контрольную нить.

— Если отдать её сейчас, квартал включат?

Тален выпрямился.

— Вероятно.

— Не надо этого слова.

— Тогда честно: сеть примет сосуд, но я не знаю, направит ли его сюда. Балансом управляет распределительная линза. Она может сначала восполнить резерв Обсерватории.

Сана вытерла лоб рукавом.

— Вот и цена твоей задержки, Мира.

Она сказала это без обвинения. Оттого слова легли тяжелее.

Я могла ответить, что задержала украденную и многократно скопированную клятву. Что ампула принадлежала клиенту, а не кварталу. Что виновата система, поставившая воду и тепло в зависимость от чужого нарушенного слова.

Всё это было правдой.

Ни одна правда не открывала тёмный клапан.

— Сколько осталось в артели? — спросила я.

— После ночного скачка — одиннадцать обычных ампул и две слабые. Наш рабочий запас на девять дней.

— Отдадим восемь в южный накопитель.

Сана посмотрела на меня так, словно проверяла, не говорил ли моим голосом кто-то другой.

— Это поставки под заказы. За четыре уже внесли задаток.

— Вернём задатки.

— Из чего?

— Из моей доли. Если не хватит — из общей после собрания.

— После собрания ты можешь предлагать общую долю. Сейчас твоя доля покроет два задатка из четырёх.

Я знала это. Знала и то, что без запаса «Тихий шов» не сможет принимать сложные извлечения: после каждого требовался резерв на случай обратного разряда. Девять дней простоя означали бы потерю клиентов и, возможно, лицензии. Трое подмастерьев зависели от нашей кассы. Сана — тоже, хотя никогда не произносила это вслух.

— Тогда шесть ампул, — сказала я. — Две оставим для безопасности. Слабые пустим на водяные заслонки.

— Ты торгуешься с аварией?

— Я считаю людей по обе стороны решения.

Сана кивнула. Не соглашаясь — признавая, что услышала.

— Я созову артель. Но до голосования ни одной общей ампулы не вынесу.

— Сколько времени?

— Полчаса, если все придут.

Над улицей прозвенел городской бюллетень.

— В связи с задержкой поставки лицензированной артелью «Тихий шов» временно ограничено энергоснабжение южного склона, — произнёс спокойный женский голос. — Расчётное время восстановления — четырнадцать часов. Жителям рекомендуется сохранять доверие к утверждённому порядку распределения.

Толпа повернулась к нам.

Название артели прозвучало отчётливее, чем адрес отключения.

— Они уже назначили виноватых, — сказала Сана.

— Нет, — отозвался Тален. — Они проверяют, вынудит ли давление отдать оригинал.

— Есть разница для людей без горячей воды?

Он не ответил.

Из толпы вышла женщина с мокрыми волосами. На плече у неё висел прачечный жетон.

— Вы из «Тихого шва»?

— Я старшая сборщица, — сказала я.

— Моя дочь в лазарете. Там линза дыхания держится на ручном заряде. Что вы задержали?

Вокруг стало тихо.

Я могла сослаться на тайну клиента. Рассказать про аудит. Обвинить Обсерваторию. Всё это превратило бы женщину в слушательницу моего оправдания.

— Одну ампулу, которую система уже скопировала без согласия владельца, — сказала я. — Если её отдать, копирование продолжится. Я не отдам её. Через полчаса моя артель решит, сколько собственного запаса направить в квартал. До этого мы вручную откроем критические узлы. Где лазарет?

Женщина указала на улицу Красильщиков.

— Вы вернёте свет?

— Я верну столько, сколько могу передать по праву. Остальное потребую у тех, кто держит городской резерв.

— Требование не дышит за ребёнка.

— Нет.

Она развернулась и пошла прочь. Люди расступились перед ней, но не перед нами.

Мы добрались до лазарета быстрее городских техников. В полутёмном зале шесть коек окружали одну дыхательную линзу. Дежурные по очереди вращали маховик. Каждый оборот сжимал стеклянные лепестки над лицом девочки, заставляя их втягивать воздух и отдавать его обратно.

У стены стоял маленький резервный сосуд. Пустой.

— Почему нет обязательного запаса? — спросил Тален.

Врач даже не взглянула на его одежду.

— Был. Позавчера его забрали на проверку. По прогнозу возврат должен был случиться вчера.

Тален замер.

— Номер накладной?

— Вам сейчас бумага нужна или рука?

Он снял сюртук, подошёл к маховику и сменил обессиленного дежурного.

Я проверила крепления линзы. Та была старой, с ручным контуром — не потому, что кто-то предусмотрел аварию, а потому, что кварталу досталось оборудование прежнего поколения. Сегодня устаревшая вещь оказалась честнее новой: она не обещала работать сама.

— Где ближайший тепловой источник? — спросила я.

— Пекарня через дом, — ответила врач. — Но печь погасла.

— Остаточное тепло есть. Сана, медную косу.

Мы протянули провод через двор, обернули вокруг печной заслонки и соединили с нижним лепестком. Этого не хватило, чтобы запустить линзу, зато маховик стал легче. Тален вращал его ровно, без рывков. Через десять минут ворот его рубашки промок.

— Вас учат этому в Обсерватории? — спросила я.

— Нас учат рассчитывать число людей, нужных для ручного цикла.

— А крутить?

— Нет.

— Заметно.

Он коротко улыбнулся, хотя дыхание уже сбилось.

— Исправьте положение локтя, если хотите помочь.

Я положила ладонь ему на предплечье и подняла чуть выше. Мышца под мокрой тканью напряглась. Он посмотрел на мою руку, потом на меня — не вопросительно, просто отмечая прикосновение. Я убрала ладонь первой.

— Так не сорвёте сустав.

— Благодарю.

Пластина в его кармане снова зазвонила. Он не остановился.

Врач поднесла к девочке зеркальце и удовлетворённо кивнула.

— Ещё час продержим. Потом меняйтесь.

— Через полчаса будет питание, — сказал Тален.

Я посмотрела на него.

— Вы не можете это обещать.

Он сбился на один оборот.

— Верно. Простите. Через полчаса мы узнаем решение артели.

Не всякая ложь была намеренной. Иногда человек произносил желаемое будущее, потому что стыдился настоящего. Но городские линзы не различали утешение, самоуверенность и обязательство. Им было достаточно формулировки, адресата и момента нарушения.

— Скажите иначе, — предложила я.

Тален посмотрел на врача.

— Я буду крутить этот привод, пока меня не сменят или пока не появится питание.

Стеклянные лепестки мерно сжались.

Это обещание помещалось в его руках.

Сана ушла на собрание, а я обошла квартал с прачечной женщиной, которую звали Веста. Она не стала мягче после моего объяснения, и я была ей за это благодарна. Мы открыли две водяные заслонки, заглушили печь красильщиков, где без вентиляции копился ядовитый пар, и перенесли продукты из погасшей лечебной кладовой в подвал с ледяным колодцем.

На каждом узле висела медная табличка с расчётным временем следующего ремонта. Все сроки находились в будущем. Ни одна табличка не умела сказать, что делать сейчас.

У школы женщины раздавали свечи. Их было мало, и одна из них ломала каждую пополам.

— Раньше у нас был общий накопитель, — сказала Веста. — Маленький, грязный, зато наш. Потом Обсерватория предложила подключение к главной сети. Дешевле, ярче, без дежурств. Старый бак переплавили на трубы.

— Кто согласился?

— Мы. Почти все. Нам показали расчёт: один серьёзный перебой за девяносто лет.

— А условия расчёта?

— Ты думаешь, прачки читают приложения к прогнозам?

— Думаю, вам должны были объяснить.

— Должны были, — повторила она. — Удобное слово. Сегодня его много.

У меня не нашлось ответа.

Через двадцать семь минут на углу появился подмастерье Йор с ручной тележкой. На ней лежали восемь ампул в защитных гнездах: шесть обычных, две слабые. Следом шли Сана и остальные члены артели.

Я насчитала всех семерых.

— Голосование? — спросила я.

— Пять за передачу шести ампул, двое против, — сказала Сана. — Слабые принадлежат учебному фонду. Подмастерья отдали их единогласно. Решение записано: аварийная помощь без передачи прав на световые следы и без зачёта в контракт Обсерватории.

— Они примут такие условия?

— Накопитель — возможно. Обсерватория — нет.

Йор протянул мне запись собрания. Под ней стояли семь имён. Моего не было.

— Почему меня не включили?

— Потому что ты предложила расход и несёшь личный интерес. Мы решили без твоего голоса.

Это было правильно. И всё же на миг мне захотелось возразить, будто старшинство давало право участвовать в каждом решении, особенно в том, которое я начала.

Я вспомнила Лею перед дверью мастерской: не спасай меня без моего согласия.

— Принимаю, — сказала я.

Мы повезли тележку к распределительному дому. Толпа пошла следом. Веста держалась рядом, не позволяя превратить передачу в тайную сделку.

Вход в накопитель закрывала гладкая дверь без ручки. Над ней горело: «Поставка не предусмотрена графиком».

— Аварийный приём, — сказала Сана.

— Поставка не предусмотрена графиком.

— Безвозмездная передача гражданскому контуру.

— Получатель не лицензирован.

— Получатель — люди, — сказал Йор.

Дверь не сочла это техническим ответом.

Я приложила к считывателю свою лицензию.

— «Тихий шов». Шесть ампул стандартного класса, две учебного. Передача южному накопителю с запретом копирования, прогнозного анализа и перенаправления в резерв Обсерватории.

Надпись изменилась: «Условия несовместимы с городской сетью».

— Значит, сеть умеет принимать помощь только вместе с правом присвоить её, — сказала Сана.

В толпе заговорили громче.

Тален пришёл от лазарета без сюртука. Рукава были закатаны, ладони покраснели от маховика. С ним шла врач.

— Девочка дышит сама, — сообщил он. — Дежурные справляются.

Он прочёл отказ над дверью.

— Есть старый протокол прямого горения. До создания прогнозной сети ампулы принимали без информационного слоя.

— Где вход? — спросила я.

— Его закрыли печатью директора.

— Ваш ключ?

— Уже не действует.

Сана обошла здание и постучала по кирпичам рукоятью отвёртки.

— Печать закрывает дверцу, а не трубу.

Мы нашли старый приёмный канал под тремя слоями краски. Медное горло было забито пылью, край оплавлен. В него помещалась одна ампула за раз. Рядом сохранился механический рычаг с надписью: «Сжечь без чтения».

— Проверить, куда идёт ток, нельзя, — предупредил Тален.

— Можно, — сказала Веста. — У нас на прачечной стрелка качнётся.

— А если не качнётся?

— Тогда вытащим следующую ампулу и не станем кормить верхний склон.

Не мы с Таленом, не линза и не директор — Веста назначила условие проверки. Я попросила Йора отнести одну слабую ампулу к горлу. На её стекле ещё виднелись учебные насечки. Внутри мерцала клятва всегда вовремя подметать мастерскую, нарушенная мальчишкой, который три месяца честно старался, а потом сбежал на весеннюю ярмарку. Мы заплатили ему медяк и сохранили свет для уроков.

Маленькое обещание. Маленькое нарушение. Ровно столько энергии, сколько человек действительно оставил после себя.

— Согласие на сжигание подтверждено? — спросила я.

Йор показал запись владельца.

— На тепло, воду или ремесленный свет. Без прогнозов.

Я вставила ампулу в канал и потянула рычаг.

Стекло лопнуло где-то глубоко. По трубе пробежало слабое золотое сияние.

Все посмотрели на Весту.

Она подняла руку. Через несколько секунд с крыши прачечной крикнули:

— Стрелка пошла!

Толпа выдохнула одним голосом.

Мы сожгли вторую слабую ампулу. Затем первую обычную. После каждой ждали подтверждения с водосборника, лазарета и красильной печи. Свет возвращался не сразу: сначала задвигались насосы, потом загудели вентиляционные короба, лишь после этого в окнах появились тусклые круги.

На четвёртой ампуле главная дверь накопителя открылась сама.

Из неё вышли двое служащих Обсерватории в белых плащах. Те самые, что спускались за нами по лестнице. Старшая держала приказ с печатью Этты Лор.

— Немедленно прекратите несанкционированное вмешательство в городскую сеть.

— Вы пришли вернуть резерв? — спросила Веста.

— Резерв распределяется согласно утверждённому прогнозу.

— Тогда зачем вы здесь?

Служащая смотрела только на меня.

— Мира Вей, ваша лицензия приостановлена до передачи задержанного сосуда и явки на разбирательство.

Над дверью загорелась новая строка: «Незаконное потребление. Вероятность долгосрочного ущерба сети — семьдесят четыре процента».

Люди вокруг заговорили тише. Число сделало то, чего не смог приказ: заставило каждого представить завтрашний пожар, цену ремонта, вину за согласие с нами.

Тален подошёл к табло.

— Покажите горизонт расчёта.

— Доступ ограничен, — ответила служащая.

— Тогда семьдесят четыре процента ничего не значат. Ущерб за час? За год? При продолжении подачи или при остановке? С учётом погибших в лазарете или без них?

— Астроном Ор, вам предписано явиться к директору.

— Я слышал.

— Ваше присутствие здесь будет учтено.

— Именно поэтому я остаюсь.

Он повернулся к людям, но не стал убеждать их довериться ему.

— Я не могу подтвердить это число без условий расчёта. Могу подтвердить другое: прямой канал предусмотрен конструкцией накопителя и сейчас подаёт свет в гражданский контур. Решение о продолжении принадлежит владельцам ампул и тем, кто принимает риск здесь.

Веста посмотрела на врача. Та кивнула.

— Ждём ещё две, — решила Веста. — Последнюю оставляем лазарету как местный запас.

Сана подняла запись артели.

— Наше решение разрешает шесть обычных. Условие квартала уже.

— Тогда две, — сказала я. — И одну передаём врачу, не сети.

Служащая шагнула к тележке. Йор встал перед ней. Он был ниже на голову и заметно боялся, но не отступил.

— Эти сосуды не переданы Обсерватории, — сказал он.

— У вашей артели приостановлена лицензия.

— Согласия владельцев от этого не стали вашими.

Я никогда не учила его этой фразе. Раньше в мастерской мы обсуждали температуру, чистоту стекла и цену закупки. Не то, где заканчиваются наши права на чужое обещание.

Служащая могла позвать стражу. Вместо этого коснулась приказа, словно ждала новой строки. Приказ молчал: прогноз не предусмотрел подмастерья, который попросит показать согласие.

Я сожгла ещё две ампулы.

Южная нить над улицей загорелась от накопителя до водосборника. В домах ожили плиты, на школе вспыхнул сигнальный круг. Свет был слабее обычного, но принадлежал тем задачам, ради которых его отдали.

Последнюю обычную ампулу врач приняла по акту прямого хранения. Сана вписала запрет на чтение и копирование от руки. Веста и Йор поставили подписи свидетелей.

Три неиспользованных сосуда мы увезли обратно.

— Вы могли восстановить питание сразу, — сказала служащая, когда я проходила мимо. — Достаточно было исполнить договор поставки.

— Нет. Я могла сразу отдать вам человека вместе со светом.

— В ампуле нет человека.

— Тогда зачем вам право читать её?

Она не ответила.

Когда толпа разошлась, Веста догнала меня у подъёма.

— Я всё ещё злюсь, — сказала она.

— Имеете право.

— Не выдавай право на злость за возмещение. Завтра прачечная потеряет половину заказов. Люди сегодня дышали дымом. Ваши правильные условия не вернут нам деньги.

— Я приду вечером с книгой расходов. «Тихий шов» оплатит повреждённое из моей доли и создаст местный запас вместе с кварталом, если вы согласитесь.

— Не обещаю того, что артель ещё не решила.

Она поймала меня моей же меркой.

— Тогда я внесу предложение и покажу, чем готова заплатить лично. Решите вы.

— Лучше.

Веста ушла к прачечной.

Сана катила пустую тележку. Колёса стучали по мостовой, отсчитывая стоимость каждого нашего шага.

— Мы потеряем два больших заказа, — сказала она. — Возможно, трёх подмастерьев придётся отпустить на неделю. Лицензию могут не вернуть.

— Знаю.

— Нет, пока только слышишь. Знать начнёшь, когда будешь объяснять людям, почему нет платы.

— Я объясню.

— Вместе объясним. Но решение о нашей кассе больше не принимай одна.

— Не буду.

Сана остановила тележку.

— Осторожнее с такими словами.

Я почти сказала: обещаю. В горле отозвался тонкий жар нерушимого шва.

— Если потребуется срочный расход общего запаса, я созову доступных членов артели и не буду учитывать свой голос при личном интересе, — произнесла я. — Это правило, а не клятва. Запишем его в договор.

— Вот теперь похоже на работу.

Тален шёл рядом молча. На перекрёстке Сана забрала тележку в мастерскую, а мы направились к клиенту.

— Вы знали, что сеть может отрезать квартал? — спросила я.

— Знал, что задержка крупной ампулы вызовет перераспределение. Не знал, какой район выберет линза.

— Почему нижний склон?

— Потому что модель считает ущерб здесь дешевле. Ни одной административной башни, мало долгосрочных контрактов, низкая стоимость часа труда по городскому реестру.

— Люди дешевле?

— Не в формулировке расчёта.

— Но в результате.

— Да.

Он не пытался спрятаться за терминами. Я заметила, как легко начала ценить в нём отсутствие очередной лжи, будто честность после сокрытия была подарком, а не долгом.

— Почему вы не предупредили меня вчера?

— Я считал, что карантинное предписание заставит сеть исключить ампулу из баланса.

— Вы снова выбрали действие за других, потому что ваш расчёт казался достаточным.

— Да.

— И ошиблись.

— Да.

Мы остановились у двери «Тихого шва». Изнутри пробивался свет единственной рабочей лампы.

— Мне хочется, чтобы вы начали спорить, — сказала я.

— Зачем?

— Тогда было бы проще считать вас частью Обсерватории, а не человеком, который может из неё выйти.

Тален посмотрел на меня устало и прямо.

— Я не знаю, выйду ли. И не стану обещать это, чтобы вам стало проще.

В его кармане опять зазвонила пластина. На этот раз он достал её. Вызов директора исчез. Вместо него горела одна строка:

«ДОСТУП ПРИОСТАНОВЛЕН. ЛИЧНЫЙ ПРОГНОЗ ПЕРЕВЕДЁН В ОБЩИЙ АРХИВ».

— Какой личный прогноз? — спросила я.

Тален закрыл пластину слишком поздно.

— Тот, что касается вас и меня.

— Вы говорили, что копия у вас.

— Одна копия.

— А сколько их всего?

Он посмотрел на дверь, за которой спал человек, уже потерявший возможность назвать важную связь. Потом — на тёмную верхнюю нить, ведущую к Обсерватории.

— Теперь нам придётся выяснить.

Я открыла дверь.

В мастерской было холоднее, чем утром. На столе стояла задержанная ампула, окружённая соляным кругом. Её золотой разрыв бился о стекло в такт возвращающемуся свету квартала, словно сеть всё ещё звала его по номеру.

За ширмой зашевелился клиент.

Мы вернули городу несколько часов тепла ценой недельного запаса. Не спасли систему, не доказали дело, не освободили Лею. Но я наконец увидела устройство зависимости целиком: Обсерватория не просто покупала нарушенные обещания. Она сделала так, чтобы отказ продавать их выглядел жестокостью по отношению к тем, кому нужен свет.

Злоупотребление пряталось не в темноте.

Оно заставляло нас зажигать лампы его способом.

Глава 6. Прогноз на двоих

Клиент сидел на краю кушетки и грел ладони о синюю чашку. Сана нашла её в дальнем шкафу — ту самую, которую отражение в карантинной линзе сохранило вместо имени. На боку чашки белела трещина, стянутая оловом. За открытым окном плыл пепельный свет утра, хотя в мастерской было холодно.

Я остановилась у ширмы.

— Вы просили открыть окно зимой? — спросила я.

Он посмотрел на чашку, потом на окно.

— Не знаю. Наверное. От закрытых окон мне трудно дышать.

Память у него осталась. Из неё вырезали не событие и не лицо, а дорогу между ними. Он мог вспомнить сквозняк, запах чайных листьев, чью-то руку на задвижке — и не мог сказать, почему всё это было важно.

Тален стоял у соляного круга, не касаясь ампулы. После южного склона на его рубашке остались серые полосы от маховика, а на запястье — ссадина. Без белого сюртука Обсерватории он выглядел не свободнее, а беззащитнее: как механизм, с которого сняли корпус и оставили шестерни на виду.

— Ваше разрешение на осмотр всё ещё действует? — спросил он клиента.

— Если не будете спрашивать, кого я подвёл.

— Не буду.

— И если она останется здесь.

Он кивнул на меня.

— Останусь, — сказала я. — Это не клятва. Если потребуется выйти, я сначала скажу вам.

Клиент усмехнулся одним углом рта.

— Теперь все так уточняют слова?

— Не все. Нам полезно начать.

Сана закрыла входную дверь и повесила табличку «Аварийный учёт». Артель собиралась в задней комнате обсуждать потери, но она решила остаться свидетелем. Это было одним из условий, которые я сама поставила Талену, пока ещё считала, что условия способны удержать чужую заботу от превращения в управление.

Тален достал служебную пластину. На ней по-прежнему горело: «ДОСТУП ПРИОСТАНОВЛЕН».

— Общий архив мне закрыт, — сказал он. — Но личный прогноз создавался с моим участием. Первая локальная копия должна храниться в пластине до завершения срока возражения.

— Вы говорили, копия у вас, — напомнила я.

— Я говорил так, словно она одна.

— Сколько?

— По правилам — три. Рабочая, контрольная и копия субъекта расчёта.

— Субъекта? Нас двое.

Тален опустил взгляд.

— В заявке субъектом был я. Вы проходили как значимое воздействие.

Слова легли между нами чище любого оскорбления. Не человек. Не участница. Воздействие — вроде перемены давления или трещины в линзе.

— Кто подал заявку?

— Я.

Сана перестала перебирать журналы.

— Когда? — спросила она.

— Одиннадцать месяцев назад.

Одиннадцать месяцев назад я не знала его имени. Я могла видеть Талена на приёнке: белый сюртук, ровный почерк, привычка проверять печать дважды. Для меня он был одним из астрономов, которые принимали сосуды и не объясняли, зачем им право читать чужой свет.

— Вы заказали прогноз обо мне до знакомства?

— Не обо мне и вас. Сначала — аудит устойчивости поставщиков. Система отметила вашу нерушимую клятву как аномальный фактор. Когда меня назначили проверять «Тихий шов», я запросил личный расчёт конфликта интересов.

— И получил прогноз нашей близости.

— Да.

— После чего решили не показывать его мне.

Он не отвёл глаз.

— Да.

Клиент поставил чашку на пол.

— Если это осмотр моей ампулы, почему вы говорите о себе?

Вопрос вернул мне ремесло. Я подошла к соляному кругу и присела, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Потому что Обсерватория связала ваш разрыв с расчётом, который касается нас. Но это не даёт нам права заставлять вас слушать. Мы можем перенести работу в другую комнату. Ампула останется здесь, в вашем поле зрения.

Он подумал.

— Оставьте дверь открытой. Я не хочу быть один.

Сана распахнула дверь в заднюю комнату и поставила стул на пороге. Клиент видел и нас, и ампулу. Лишь после этого Тален положил пластину на стол.

— Для локальной копии нужен свидетель субъекта и источник света, не подключённый к сети, — сказал он.

— Свидетель есть, — отозвалась Сана. — Света нет. Наш запас вы сегодня сожгли.

Я посмотрела на три ампулы, возвращённые с южного склона. Их владельцы разрешили тепло, воду и ремесленный свет, но не прогноз.

— Их не используем.

— Я и не предлагал.

Тален вынул из внутреннего кармана тонкую прозрачную пластинку. В её середине дрожал бледный огонёк.

— Что это? — спросила я.

— Мой залог допуска. При выдаче служебного ключа каждый астроном оставляет малую клятву соблюдать протокол. После приостановки доступа она возвращается владельцу.

— Нарушенную?

— Теперь — да.

Я взяла пластинку щипцами. Свет внутри был мутным и рваным, но разрыв произошёл недавно. На одном краю ещё держался целый шов.

— Как звучало обещание?

— Не скрывать от субъекта сведения, способные изменить его добровольное решение.

Сана коротко рассмеялась без веселья.

— У них даже для порядочности есть служебная ампула.

— И автоматическая регистрация нарушения, — сказал Тален.

— Которая не помешала вам нарушить.

— Нет.

Я смотрела на его залог. Он мог пригодиться для линзы Леи, для доказательства Ною, для отопления мастерской. Тален предлагал сжечь его, чтобы открыть документ, который обязан был показать безо всякой платы.

— Отдавая свет, вы покупаете моё внимание? — спросила я.

— Нет. Вы можете отказаться читать. Тогда залог останется доказательством моего нарушения.

— А если прочту?

— Он исчезнет.

— Очень удобно для вас.

Тален убрал руку от пластинки.

— Тогда не будем её сжигать. Я перескажу всё, что помню, при Сане, а она запишет. Это будет неполно, но проверяемо, когда мы получим архив.

Он не стал убеждать меня, что точность важнее следа его вины. Возможно, впервые с нашей встречи оставил выбор лежать там, где положил.

Я открыла ящик стола и достала ручную лампу. В ней оставался кусочек обычного разрыва — плата за работу, которую владелец разрешил использовать для мастерской без ограничений. Света хватало на час тонкой пайки или на несколько минут чтения пластины.

— Используем наш ремесленный остаток, — решила я. — Расход внесём на меня. Ваш залог сохранится как доказательство.

— Поддерживаю, — сказала Сана. — Но расход артельный. Решение принято при свидетеле и касается расследования нашей подписи. Не превращай ответственность в привычку платить за всё одной.

Я хотела возразить и услышала бы в своём голосе ту же опеку, которой душила Лею. Поэтому только записала расход в журнал.

Тален снял с лампы медный обод и соединил её с пластиной тремя короткими жилами. Работал он осторожно, спрашивая прежде, чем взять мои инструменты. Когда свет вошёл в стекло, над столом возник круг, разделённый на два неравных сектора.

В большем стояло имя Талена.

В меньшем — «ФАКТОР М-17».

— Это я? — спросила я.

— Да.

— Исправьте.

— В локальной копии нельзя менять исходные данные.

— Тогда добавьте возражение.

Он коснулся края круга.

«ВОЗРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА» — появилось внизу.

— Я не субъект в вашей заявке, помните?

Тален замер. Потом провёл служебным ключом по строке, хотя ключ считался недействующим. Пластина вспыхнула красным: «НЕТ ПРАВА ВНЕСЕНИЯ».

— Диктуйте, — сказала Сана. — Я внесу в независимый журнал.

— Мира Вей, тридцать два года, мастерица и выборная старшая артели «Тихий шов», не соглашалась на включение в расчёт и не признаёт обозначение «фактор». Требуется раскрыть происхождение всех данных и список получателей.

Сана записала слово в слово.

Круг начал вращаться. Между секторами протянулись тонкие нити: белые — рабочие контакты, синие — совпадение решений, золотые — возможная привязанность. Последних было всего две, и обе уходили не в будущее, а назад, к моментам, которых ещё не случилось одиннадцать месяцев назад.

На первой я держала Талена за локоть в хранилище, когда линза тянула имя Леи. На второй он крутил привод дыхательной линзы в лазарете.

— Прогноз дорисовал прошлое? — спросила Сана.

— Он обновляется после каждого значимого события, — ответил Тален. — Но сохраняет исходную версию под слоями.

— Покажите исходную.

— Именно её я хотел восстановить.

Он развёл пальцы. Верхний слой стал прозрачным. Под ним обнаружился прежний рисунок: одна белая линия от Обсерватории к «Тихому шву», рядом — золотая дуга, которая пересекала тёмный знак моей нерушимой клятвы.

Над дугой горело: «ВЕРОЯТНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗИ — 63%».

Под ней: «ВЕРОЯТНОСТЬ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ АКТИВНОГО ШВА — 81%».

— Вы сказали мне только вторую цифру, — произнесла я.

— Да.

— А после того как я узнала, она выросла до восьмидесяти шести.

— Да.

— Что значит «дестабилизация»?

— В открытом словаре — изменение силы, адреса или формулировки клятвы больше допустимого порога.

— То есть не обязательно уничтожение.

— Не обязательно.

— Вы сказали: близость с вами может разрушить мою главную клятву.

— Я выбрал самое опасное толкование.

— И самое удобное, если хотели держаться подальше.

Он долго молчал.

— Да.

Золотая дуга дрогнула. Новое событие вошло в расчёт прямо при нас: моё знание о его заявке. Вероятность связи упала до пятидесяти восьми. Вероятность изменения клятвы поднялась до восьмидесяти девяти.

— Она реагирует на разговор, — сказала Сана.

— На зарегистрированные решения, — поправил Тален.

— Чем она их регистрирует? Здесь нет сети.

Мы одновременно посмотрели на задержанную ампулу.

Золотой разрыв внутри бился в том же ритме, что и круг над столом.

Я накрыла ручную лампу заслонкой. Изображение погасло, но ампула продолжала мерцать.

— Пластина питается от нас не только светом, — сказала я. — Она посылает запрос через отражение разрыва.

Тален отсоединил жилы.

— Локальная копия не должна уметь отправлять запросы.

— Повторное извлечение тоже не должно существовать.

Клиент поднялся за ширмой.

— Она опять берёт у меня что-то?

Я подошла к ампуле. На стекле проступила новая тонкая метка, похожая на ресницу. Не копия — попытка открыть канал.

— Пока нет, — сказала я. — Но мы остановим чтение.

— Вы уже остановили?

Я проверила соляной круг, заземляющую жилу и температуру стекла.

— Да.

Только после этого он снова сел.

— Прогноз остаётся в пластине? — спросила я.

— Фрагмент. Без света мы не увидим слои.

— Значит, будем читать не здесь и не рядом с чужой ампулой.

Сана указала на залог Талена.

— Его тоже спрячем отдельно. Если система умеет ходить по отражениям, нарушенное обещание астронома для неё почти дверь с вывеской.

Я положила прозрачную пластинку в свинцовый футляр. Тален не возражал.

— Остался вопрос, — сказала я. — Кто получал обновления?

— В видимом слое был только отдел этики.

— А в невидимом?

— Не знаю.

— Вы никогда не проверяли?

— Проверил после первого обновления. Запрос отклонили как выходящий за пределы полномочий субъекта.

— Вас называли субъектом, пока это позволяло собрать данные. Когда вы захотели узнать покупателей, субъектом быть перестали.

— Именно так.

Мне хотелось ненавидеть его просто и без остатка. Он заказал расчёт, согласился на язык, где я была воздействием, скрыл результат и превратил собственный страх в моё ограничение. Но он также оставил у меня ключ, полез в хранилище против приказа и крутил маховик, когда мог спасти должность. Ни одно не отменяло другое.

Прогноз предлагал сложить поступки в одно число. Я отказалась.

— Расскажите всё, что не показала пластина, — сказала я. — С самого первого запроса.

Тален сел напротив Саны. Она перевернула страницу журнала.

— Я проводил выборочную проверку поставщиков, чьи ампулы давали необычно устойчивый спектр, — начал он. — У «Тихого шва» повторялся слабый фон активной клятвы. Это не должно было влиять на нарушенные разрывы, если мастер соблюдает разделение. Я предположил ошибку мастерской.

— Предположили мою вину, — уточнила я.

— Да. Потом увидел, что фон появляется и на сосудах, принятых в дни вашего отсутствия. Значит, источник был не в работе рук, а в регистрационной линзе, которая добавляла вашу связь к каждой поставке артели.

Сана прижала перо к бумаге.

— Какую связь?

— Сначала система называла её «опекунской». После того как Лея заключила ученический договор, обозначение сменилось на «сестринскую».

— Поэтому её след оказался в чужой ампуле, — сказала я.

— Вероятно. Ваша нерушимая клятва использовалась как постоянная мерка. Договор Леи дал системе второй край связи.

— И вы знали это одиннадцать месяцев?

— Нет. Я видел только фон и подал запрос. Полное обозначение появилось три недели назад, когда семь ампул получили чёрную метку.

— Три недели, — повторила Сана. — Достаточно, чтобы предупредить обеих сестёр.

— Да.

— Почему не предупредили?

Тален посмотрел на закрытый свинцовый футляр.

— Потому что прогноз показал: если Мира узнает о Лее и начнёт действовать вместе со мной, вероятность изменения её клятвы превысит восемьдесят процентов. Я решил сначала найти способ отделить мерку от сети.

— Хотели спасти мою клятву от моего решения.

— Да.

— И нашли?

— Нет.

— Зато Обсерватория получила три недели.

— Да.

Каждое его признание было правильным и запоздалым. От них не становилось легче. Честность не возвращала мне украденное время; она лишь переставала красть следующее.

Клиент снова поднял чашку.

— Вы всё время говорите о клятве как о вещи, — сказал он. — Сохранить, отделить, изменить. А если она уже давно стала не тем, что человек хотел?

Я повернулась к нему.

— Вы помните, чего хотели от своей?

— Помню дом. Стол у окна. Помню, что возвращался поздно и ставил эту чашку вверх дном, чтобы кто-то сердился. — Он провёл большим пальцем по оловянному шву. — Помню, как однажды не вернулся. Но не могу сказать, кому обещал возвращаться.

Он говорил спокойно, и от этого боль звучала точнее.

— Если мне вернут слово, — продолжил он, — это не заставит того человека принять меня обратно.

— Нет, — сказала я.

— Тогда не обещайте исправить всё.

— Не буду. Мы постараемся вернуть вам право назвать связь и решить, что с ней делать. Остальное принадлежит не нам.

Он кивнул.

Тален смотрел на меня так, будто услышал ответ на вопрос, которого не задавал.

— Не надо, — сказала я.

— Что именно?

— Превращать мои слова клиенту в подсказку о нас.

— Я не собирался.

— Прогноз собирался за вас.

На этот раз он понял сразу.

— Хорошо.

Мы перенесли пластину в старую пайочную нишу во дворе. Там не было линз, только каменный стол, медный навес и отдельный провод к механической земле. Сана осталась с клиентом. На улицу вышел Йор и по её просьбе встал у двери свидетелем: не для чтения содержания, а чтобы никто не подключил ампулу или сеть.

Ручного остатка хватило ещё на один запуск. Я замкнула питание через чистое стекло без следа клятвы. Круг раскрылся медленнее и больше не обновлялся.

— Список получателей, — сказала я.

Тален нашёл серую точку под строкой возражения. Она оказалась не точкой, а свёрнутым приложением.

«ДОСТУПНО СУБЪЕКТУ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОГНОЗНОГО СОБЫТИЯ».

— Когда оно завершится? — спросила я.

— Здесь должен быть критерий.

Он открыл описание. Вместо срока появилась формула из трёх условий.

Первое: «АКТИВНЫЙ ШОВ М-17 ПРЕКРАТИЛ ИСХОДНУЮ ФУНКЦИЮ».

Второе: «СВЯЗЬ ОР/М-17 СТАБИЛИЗИРОВАНА ИЛИ ИСКЛЮЧЕНА».

Третье: «ПЕРЕДАЧА МОДЕЛИ В ГЛАВНЫЙ КРУГ ЗАВЕРШЕНА».

— Они покажут покупателей после того, как получат мою клятву, — сказала я.

— Не обязательно получают, — ответил Тален слишком быстро. — «Прекратил функцию» может значить добровольное расторжение.

— А «передача модели»?

Он прочёл формулу снова.

— Этого слоя в моей копии раньше не было.

— Значит, прогноз не просто наблюдает, изменится ли клятва. Он ждёт этого.

Под формулой светилась дата создания приложения. Одиннадцать месяцев назад, через четыре минуты после заявки Талена.

Он побледнел.

— Личный расчёт создали как приманку.

— Для кого?

— Для меня. Возможно, для нас обоих. Если бы я исполнил рекомендацию и держался от вас в стороне, система продолжала бы снимать мерку через поставки. Если бы сблизился и рассказал — любое ваше решение об изменении клятвы выглядело бы исполнением прогноза.

— В обоих случаях Обсерватория права.

— В обоих случаях она получает данные.

Я развернула остальные слои. Рядом с нашими именами появлялись строки без текста: семь пустых разрешений, каждое с отдельной печатью. Получатели были скрыты, но число совпадало с семью копиями в карантинном хранилище.

— Семь покупателей, — сказала я.

— Или семь контуров одного покупателя.

— Не уменьшайте число, пока не знаете.

— Вы правы.

В самом нижнем слое лежала рекомендация этику: «ОГРАНИЧИТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ РАСКРЫТИЕ. СОХРАНИТЬ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД РЕШЕНИЙ».

Я прочла дважды.

— Вот ваше оправдание.

— Не оправдание.

— Но вы ему подчинились.

— Да.

— Вы скрыли прогноз, чтобы не влиять на мой выбор, и тем самым выполнили рекомендацию системы, которая уже влияла на нас обоих.

— Да.

— А потом решили, что опасность — наша близость.

Тален провёл пальцем рядом с золотой дугой, не касаясь её.

— Опасность была в том, что рядом с вами мне хотелось поступить правильно и одновременно сохранить возможность быть рядом. Я не доверял своему мотиву. Вместо того чтобы сказать это, я доверился числу.

Это было первое признание, в котором он не прятался за устройство Обсерватории.

Мне хотелось сделать шаг назад. Хотелось сделать шаг к нему. Оба движения казались навязанными кругом над столом, и я осталась на месте.

— Я не буду решать, что чувствую, перед вашей пластиной.

— И не должны.

— Вы тоже.

— Согласен.

— Не соглашайтесь так быстро. Это не правило для удобства. Если мы работаем вместе, вы сообщаете мне сведения, касающиеся меня, даже когда боитесь повлиять. Не проверяете наши отношения без моего согласия. Не используете прогноз как причину приблизиться или отойти.

— Я могу выполнить первые два условия. Последнее сложнее проверить.

— Тогда говорите, когда подозреваете, что число влияет на решение.

— А вы?

Вопрос был справедливым и всё равно разозлил меня.

— Я не тот человек, который одиннадцать месяцев держал расчёт в кармане.

— Нет. Но сейчас его видели оба.

Над нами скрипнул медный навес. По улице прошла женщина с ведром, не подозревая, что в двух шагах от неё чужая машина пыталась превратить возможную любовь в способ добычи клятвы.

— Я тоже буду говорить, — сказала я наконец. — Сανε. Не обязательно вам.

— Это разумно.

— И отдайте служебный ключ.

Тален снял ключ с шеи. Маленькая линза на цепочке потемнела после приостановки допуска.

— Он почти бесполезен.

— Почти — достаточно. Ключ будет храниться у Саны. Любое открытие — при ней или свидетеле, которого выберем не мы с вами вдвоём.

Он положил ключ на камень.

— Хорошо.

— Это не возвращает доверие.

— Знаю.

— И не гарантирует, что мы продолжим работать после того, как вы расскажете остальное.

— Знаю.

Я погасила лампу. Круг исчез. В стекле остались два отражения — моё и Талена, разделённые тонкой царапиной.

Когда мы вернулись в мастерскую, клиент спал. Синяя чашка стояла рядом с кушеткой вверх дном.

Сана прочла нашу запись и запечатала пластину, ключ и залог в три разных футляра. На каждом попросила расписаться меня, Талена и Йора.

— Что выяснили? — спросила она.

— Прогноз был создан не для защиты Миры, — сказал Тален. — Он должен был сохранить естественный вид решений, пока система использовала её клятву как модель.

— Естественный вид, — повторила Сана. — Хорошие слова для клетки без решёток.

— Есть семь скрытых получателей, — добавила я. — И условие раскрыть их только после передачи модели в главный круг.

Сана посмотрела на задержанную ампулу.

— Значит, они ждут не этот сосуд.

— Они ждут меня, — сказала я.

Тален качнул головой.

— Вашу клятву.

— Пока она во мне, разница существенная.

Он принял поправку.

Из задней комнаты вышла Лея. Я не слышала, как она вошла. На плече у неё висела сумка со слепой линзой, рядом стоял Ной Сев. Сестра посмотрела сначала на меня, потом на три запечатанных футляра.

— Сана позвала меня, — сказала она. — Потому что расчёт использует мой договор. Не потому что ты разрешила.

— Правильно сделала.

— Что ты собираешься делать?

Ещё вчера я ответила бы: вытащить тебя из договора, закрыть мастерскую, спрятать нерушимый шов. Всё сразу и за всех.

— Сначала дать тебе прочесть запись и решить, какую часть твоих данных мы можем использовать. Потом получить архив, не отдавая мою клятву. Затем вернуть клиенту возможность назвать связь, если он всё ещё этого захочет.

— А с ним? — Лея указала на Талена.

— Установить правила работы.

— А прогноз?

Я посмотрела на тёмную пластину в футляре.

— Пусть учится жить без наших решений.

В этот миг задержанная ампула ударилась о стенку так сильно, что соляной круг вспыхнул. На стекле проступила строка, которой раньше не было:

«СВЯЗЬ ОР/М-17: ДОСТУП К ОБЩЕМУ АРХИВУ РАЗРЕШЁН».

Под ней отсчитывались шестьдесят минут.

Тален подошёл к кругу, но не переступил его.

— Это ловушка, — сказал Ной.

— Да, — ответила я.

— Пойдёте?

Я посмотрела на Лею, Сану, клиента за ширмой и ключ, который теперь лежал не у Талена.

Обсерватория рассчитала, что мы войдём вдвоём: астроном и воздействие, каждый занятый тем, что другой может разрушить.

— Не так, как они прогнозировали, — сказала я. — На этот раз условия поставим мы.

Глава 7. Право выбрать риск

Шестьдесят минут — удобный срок, если хочешь, чтобы человек перепутал поспешность с решимостью.

На ампуле уже осталось пятьдесят восемь.

— Никто никуда не идёт, пока мы не запишем условия, — сказала Сана.

Она произнесла это тем голосом, которым обычно останавливала треснувшее стекло: без надежды уговорить трещину, зато с точным знанием, куда поставить скобу.

— Через час доступ закроется, — сказал Тален.

— Значит, закроется.

— Второго окна может не быть.

— Тем более нельзя входить неподготовленными.

Я ждала, что он возразит. Раньше Тален назвал бы риск допустимым, перечислил вероятности и выбрал за всех самый красивый ущерб. Теперь он посмотрел на меня.

— Решение Миры, — сказал он.

— Нет, — ответила я. — Не только моё. Внутри связь с моим обозначением, но она построена на договоре Леи, ключе Обсерватории и залоге клиента. Каждый решает за свою часть.

Лея сняла сумку со слепой линзой и положила на стол.

— Мои данные можно использовать, чтобы открыть архив и найти происхождение ученического договора. Нельзя — чтобы строить новый прогноз обо мне. Если начнётся расчёт, мы отключаемся.

Сана записала дословно и протянула ей журнал. Лея расписалась не фамилией, а своим мастерским знаком: маленьким кругом с разрывом внизу.

Ной подошёл к ширме. Клиент не спал; он лежал с открытыми глазами и держал синюю чашку обеими руками.

— Ваш нарушенный залог связан с доступом, — сказал ему Ной. — Вы можете запретить его использовать. Тогда мы не пойдём.

— А если разрешу?

— Это не обещание, что вам вернут имя сегодня.

Клиент посмотрел на чашку.

— Используйте след только для поиска моей записи. Не сжигайте. Не копируйте то, что не относится к ней. И если найдёте человека, которому я обещал вернуться, сначала спросите его, хочет ли он, чтобы я вспомнил вслух.

Последнее условие заставило меня поднять голову.

— Почему?

— Потому что моё право помнить не должно стать его обязанностью встретиться со мной.

Сана внесла и это. Клиент поставил отпечаток большого пальца в серый воск. Теперь оставался Тален.

Он снял перчатку и положил ладонь рядом со служебным ключом.

— Я разрешаю использовать мой ключ для одного входа и фиксировать все его команды. Запрещаю системе создавать или обновлять прогноз связи Ор/М-17. Если отключение потребует уничтожить ключ, уничтожайте.

— И ещё, — сказала я. — Вы сообщаете обо всём, что узнаете в архиве, даже если считаете сведения опасными для меня.

— Да.

— Не «да». Сформулируйте сами.

Он выдержал мой взгляд.

— Я не буду удерживать сведения о Мире, Лее, артели или нашем возможном будущем под предлогом защиты чьего-либо выбора. Если не уверен, что вправе раскрыть чужие данные, я назову сам факт их существования и причину остановки при свидетеле.

Сана записала. Тален расписался.

На ампуле оставалось пятьдесят три минуты.

— Теперь ты, — сказала Лея.

— Я уже сказала, чего хочу.

— Ты сказала, что поставишь условия. Это не то же самое.

Я почувствовала раздражение, слишком знакомое, чтобы принимать его за правоту. Лея не мешала мне спасать её. Она требовала, чтобы я перестала называть спасением решение, в котором ей не оставляли места.

— Я разрешаю открыть слой, где использована моя нерушимая клятва, — сказала я. — Не разрешаю извлекать её, копировать или подавать в главный круг. Если система потребует выбора между сохранением доказательств и безопасностью живого человека, сначала отключаемся. Доказательства не важнее человека.

— Какого человека? — спросила Сана.

— Любого. Включая Талена.

Он едва заметно вдохнул.

— И включая тебя, — сказала Лея.

— Включая меня.

Слова дались тяжелее, чем должны были. Я умела платить собой быстрее, чем спрашивать, нужно ли это другим. Наверное, поэтому Обсерватория и выбрала мою клятву меркой: удобнее всего рассчитывать того, кто считает самопожертвование частным расходом.

Я поставила подпись.

Сана вырвала лист по линии прошивки, вложила копию в пустой футляр и запечатала. Оригинал остался в журнале.

— В архив входят Мира и Тален, — сказала она. — Лея держит слепую линзу и право немедленного отключения. Я храню ключ и веду запись. Ной следит за клиентом и внешней дверью. Йор размыкает питание, если я подниму левую руку или Лея скажет «тьма».

— Почему именно «тьма»? — спросил Йор.

— Потому что это слово никто не произнесёт случайно, обсуждая световые слои.

— А если я замечу опасность раньше? — спросила я.

— Говоришь «тьма». Не ждёшь разрешения.

— Принято.

Тален повторил:

— Принято.

Мы не договорились доверять друг другу. Мы построили способ работать там, где доверия пока не хватало.

Это оказалось надёжнее красивой клятвы.

Лея вынула слепую линзу. В отличие от обсерваторских кругов, она была матовой и не умела собирать лицо целиком: только свет, только направление, только то, что человек позволил подать на вход. Сестра закрепила её над соляной чашей и подвела три провода — к ампуле, к ключу и к пустой пластине для журнала команд.

— К залогу клиента не подключаюсь, — сказала она. — Сначала посмотрим, признает ли архив предъявленное согласие без чтения содержимого.

— Обсерватория не знает такого режима, — сказал Тален.

— Тогда сегодня узнает.

Он наклонился над креплением, но не коснулся его.

— Можно?

Лея подвинулась, освобождая место.

— Смотреть. Не исправлять.

— Здесь обратная жила слишком близко к оправе. При перегреве команда отключения может вернуться в ключ.

— Я знаю. Поэтому оправка глиняная, а не медная.

Тален рассмотрел серый обод и выпрямился.

— Верно.

Лея усмехнулась без торжества. Ей не нужно было победить астронома; ей было нужно, чтобы её прибор перестали считать ученической игрушкой.

На ампуле оставалось сорок семь минут.

Сана внесла служебный ключ в соляной круг сама. Тален подсказывал команды, но цепочка лежала в её руке. Когда линза коснулась стекла, в мастерской погасли обычные лампы. Над столом развернулась узкая световая дверь.

На ней были две ручки.

Одна несла знак Ора. Вторая — обозначение М-17.

Моего имени не было.

— Переименовать субъект, — сказала я.

Тален поднял ладонь, показывая Сане, что собирается отдать команду.

— Запрос на исправление обозначения. «М-17» заменить на «Мира Вей» во всех отображаемых нам слоях.

Дверь ответила ровным женским голосом:

— Изменение снизит сопоставимость массива.

— Это не отказ, — сказала Лея.

— Подтвердить снижение сопоставимости, — сказал Тален.

— Требуется согласие держателя связи.

Он промолчал.

Я положила два пальца на матовый край слепой линзы.

— Я, Мира Вей, требую называть меня по имени. Снижение удобства вашего расчёта принимаю.

Обозначение дрогнуло. Несколько мгновений машина словно решала, существует ли человек вне её таблицы. Потом на второй ручке проступили буквы моего имени.

Только тогда я коснулась её.

Тален взялся за свою ручку одновременно со мной. Дверь не открылась.

— Стабилизировать связь, — потребовал голос.

Между ручками появилась шкала от нуля до ста. Золотая нить метнулась к отметке семьдесят два.

— Она хочет измерить нас, — сказала я.

— Без этого не откроет, — ответил Тален.

— В условиях запрет на обновление прогноза.

— Я помню.

Нить поднялась до семидесяти четырёх. Мы ещё ничего не сделали, а круг уже превращал совместное прикосновение в данные.

— Тьма, — сказала Лея.

Йор дёрнул рубильник.

Световая дверь исчезла. Обычные лампы вспыхнули снова. На ампуле осталось сорок четыре минуты.

Никто не попытался её остановить.

Лея проверила матовый обод. На нём появилась тонкая золотая пыль.

— Сняла два отсчёта, — сказала она. — Первый в момент касания, второй после слов Миры.

— Значит, вход невозможен без нарушения условий, — сказал Ной.

— В том виде, который предложила система, — уточнила я.

Тален ходил взглядом по погасшей схеме.

— Две ручки не были замком. Это измерительный мост. Архив ждёт, что мы одновременно подадим личные следы.

— Можно подать команды вместо следов? — спросила Сана.

— Служебный протокол различает их.

— Обсерваторский — различает, — сказала Лея. — Моя линза нет.

Она перевернула оправу. На обратной стороне были четыре неглубоких желоба.

— Я могу смешать две команды в один обезличенный импульс. Архив получит совместное действие, но не узнает, какая часть чья.

— И не сможет вычислить связь? — спросила я.

— Сможет предполагать. Проверить — нет.

Тален присел, чтобы увидеть желоба на одном уровне с краем стола.

— Нужен одинаковый вес команд. Иначе по силе определит владельца.

— Вот теперь можно исправлять, — сказала Лея.

Они работали рядом, но не заслоняли друг друга. Тален назвал стандартный вес служебной команды. Лея вырезала из оловянного шва две равные пластинки. Я предложила текст: «Открыть записи происхождения данных». Сана отвергла его как слишком широкий.

— Только источники, связанные с предъявленным окном, — сказала она. — Без содержания чужих клятв.

Мы записали две одинаковые команды разными руками. Лея сложила полоски надписью внутрь, поместила между оловянными пластинами и вставила в слепую линзу.

Оставалось тридцать восемь минут.

Второй вход открылся одной ручкой без имени.

— Владельцы действия не определены, — сообщил голос.

— Верно, — сказала Лея.

— Сопоставимость связи недоступна.

— Переживёшь.

На двери появилась строка нашей команды. Сана прочла вслух и сверила с журналом.

Я нажала на ручку. На этот раз Тален не касался двери. Он стоял рядом и держал руки на виду.

За световым проёмом не было комнаты. Было ночное небо, разделённое на тысячи прямоугольников, и в каждом тлела чья-то сломанная фраза. Одни были яркими, другие почти погасли. Между ними тянулись серые линии копирования.

Я шагнула только до порога.

— Масштаб массива? — спросила Сана.

Тален посмотрел на служебные метки по краям.

— Отображено двенадцать тысяч семьсот сорок один источник.

— Сколько записей?

— Восемьдесят девять тысяч с копиями.

Семь копий на один разрыв. Иногда больше.

Я узнала форму сосудов «Тихого шва» раньше, чем номера. Наши ампулы висели созвездием в левом нижнем углу: десятки, сотни знакомых горлышек, каждое размноженное серыми нитями. Я когда-то считала, что продаю ровно один сосуд ровно одному городскому накопителю.

— Покажите только происхождение поставок моей артели, — сказала я.

Архив послушался слишком охотно. Остальное небо погасло, а наши ампулы приблизились.

На первой стояла моя приёмная метка пятилетней давности. Я помнила этот разрыв: обещание совладельцев держать пекарню вместе. Они пришли уже после раздела, спокойно согласовали цену и попросили сжечь ампулу без чтения.

От неё отходило девять линий.

— Девять? — спросила я.

— Одна энергетическая запись, — сказал Тален. — Одна контрольная. Семь прогнозных получателей.

— То есть семь пустых печатей в нашем расчёте — постоянная схема.

— Похоже на то.

Он говорил осторожно, не выдавая предположение за факт. Я заметила это и разозлилась на себя за то, что заметила.

— Названия получателей, — потребовала Сана.

Архив ответил:

— Доступ после завершения прогнозного события.

— Не просим содержание прогнозов, — сказала я. — Только юридических держателей копий.

— Доступ после завершения прогнозного события.

— Значит, названия спрятаны в другом слое, — сказал Тален.

— Ты что-то узнал? — спросила Лея.

Он замер.

— Узнал структуру печатей. Две принадлежат городским ведомствам, три — частным домам устойчивости, одна — внутреннему исследовательскому кругу. Седьмую я не могу определить: она старше нынешнего устава.

— Почему остановился? — спросила я.

— Хотел сначала проверить.

— А договорились?

— Сообщить, что вижу, и назвать неуверенность при свидетеле. — Он повернулся к Сане. — Я не уверен в владельцах, но уверен, что это разные классы доступа. Седьмая печать может быть архивной или учредительской.

Сана записала.

Это не вернуло одиннадцать месяцев. Но в эту минуту он не оставил себе право решить, когда мы готовы услышать сомнение.

— Ищем запись клиента, — сказала я.

Ной поднёс к соляному кругу синюю чашку, не передавая её внутрь. Архив не отозвался. Тогда клиент сам назвал дату извлечения и сумму, которую ему заплатили. Моя артель такого приёма не проводила.

— Искать по добровольно сообщённым дате и сумме, — сказала Сана. — Без голосового слепка.

На небе погасли почти все прямоугольники. Осталось двадцать три, затем пять. У четырёх были обычные номера. Пятый значился как «повторный источник без адресата».

— Открыть происхождение пятого, — сказал клиент из-за ширмы.

Голос архива изменился:

— Требуется предъявление нарушенного залога.

— Нет, — ответил он.

— Запись недоступна.

— Тогда она останется недоступной.

На ампуле оставалось двадцать девять минут. Мы могли уговорить его. Могли объяснить, что залог не будет сожжён, что Лея поставит заслон, что шанс второго входа ничтожен.

Я закрыла рот раньше, чем доводы превратились в давление.

— Ищем обход без залога, — сказала я.

Тален указал на серую линию от пятой записи.

— У неё есть копии. Происхождение закрыто, но путь копирования виден.

— Почему?

— Потому что архив считает путь технической информацией, а не личной.

Серая линия уходила вверх, разделялась семь раз и сходилась у тёмного прямоугольника. На нём не было ни имени, ни номера — только мастерский знак: круг с разрывом внизу.

Знак Леи.

Она отшатнулась от линзы.

— Я его придумала два года назад.

— Дата записи? — спросила Сана.

Тален прочёл край прямоугольника.

— Четыре года назад.

Лея побледнела.

— Тогда это не мой знак.

— Или тебе дали уже существующий, — сказала я.

— Мастер из Обсерватории сказал, что круг пустой. Что каждый ученик должен сам найти место разрыва.

Она произнесла это без слёз, и я услышала, как рушится не воспоминание, а опора. Знак, которым Лея помечала первую линзу, договор и каждую вещь, сделанную без моей помощи, оказался выданным ключом.

Я шагнула к ней.

— Не трогай, — сказала она.

Я остановилась.

— Хорошо.

— И не говори, что ты предупреждала.

— Не скажу.

— Ты предупреждала.

— Я была права не тем способом. Это не делает твой выбор ненастоящим.

Лея смотрела на древнюю копию своего знака.

— Запиши, — сказала она Сане. — Я не давала согласия использовать мой мастерский знак как адрес копирования. Разрешаю сохранить изображение этой технической метки и дату. Содержание записи не открывать.

Сана записала и повернула журнал так, чтобы Лея видела каждое слово.

Мы сделали отпечаток слоя на пустой пластине. Слепая линза сохранила только знак, дату, число копий и путь, без чужой фразы.

Оставалось двадцать две минуты.

— Можно продолжить по артельным поставкам, — сказал Тален. — За это время найдём десятки таких узлов.

— А цена? — спросила я.

Он посмотрел на служебный ключ в руке Саны. По тёмному стеклу ползла золотая трещина.

— Каждая команда расходует ключ. Ещё три или четыре — и он разрушится.

— Почему не сказали сразу?

— Трещина появилась после второго входа. Сейчас я её увидел.

Сана подняла ключ к лампе.

— Подтверждаю. До этого была только царапина у оправы.

Он выполнил условие, но я всё равно искала в его лице прежнюю задержку. Доверие не возвращалось от одного правильного ответа. Оно складывалось из ответов, которые человек мог бы скрыть и не скрыл.

— Ключ — ваша последняя служебная возможность? — спросила я.

— Да.

— Если мы потратим её сейчас, вы не сможете войти в Обсерваторию.

— Вероятно.

— Вы хотите сохранить ключ?

Он посмотрел не на меня, а на Сану, державшую цепочку.

— Хочу. Но не предлагаю менять из-за этого ваши условия.

Мне вдруг стало легче. Не потому, что он готов был пожертвовать доступом, а потому, что признал желание его сохранить. Скрытая жертва тоже способ управлять долгом другого человека.

— Нам достаточно одной команды, — сказала Лея. — Выгрузить перечень технических путей без содержимого.

— Архив может посчитать это массовым запросом и сжечь ключ сразу, — предупредил Тален.

— Тогда выбирает владелец, — сказала Сана и протянула ему журнал.

Тален прочёл наши подписи, словно впервые видел договор не как препятствие, а как устройство.

— Разрешаю израсходовать ключ на перечень происхождения и копирования данных «Тихого шва» за пять лет, без содержания клятв и личных прогнозов, — сказал он. — При условии, что копия останется у артели и у союза доноров. Не у меня одного.

— Принимаю, — сказал Ной.

— Принимаю, — сказала я.

Лея составила команду. Мы проверили её слово за словом. Когда Сана подала ключ, трещина вспыхнула, пересекла линзу и остановилась у самой цепочки.

Ночное небо свернулось в тонкую серую карту. На ней не было имён и обещаний — только даты, приёмные метки, направления копий и классы получателей. Пять лет нашего труда превратились в сеть, которую я помогала питать, не желая её видеть.

Пластина заполнялась медленно. На ампуле оставалось семнадцать минут, затем двенадцать.

— Хватит, — сказала Лея. — Ключ нагрелся.

— Выгрузка завершена на восемьдесят три процента, — сообщил архив.

— Нам не нужно всё, — ответила она.

— Незавершённая выборка снижает достоверность выводов.

— Это наши выводы.

Сана разомкнула цепь. Световая дверь сжалась, но перед исчезновением на ней вспыхнула строка:

«ОТКАЗ УЧТЁН КАК ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ СВЯЗИ ОР/МИРА ВЕЙ».

— Тьма, — одновременно сказали мы с Таленом.

Йор опустил рубильник.

На этот раз погасла вся мастерская.

В темноте что-то звякнуло. Я услышала дыхание Леи, ругань Ноя и быстрые шаги Саны. Потом зажглась свеча.

Служебный ключ раскололся на две половины.

Ампула клиента осталась целой. Слепая линза почернела по краю, но не треснула. Пластина с картой лежала в соляной чаше.

— Обновился прогноз? — спросила я.

Лея провела белой тканью по матовому стеклу. Золотой пыли не было.

— Нет. Последняя строка была попыткой заставить нас поверить, что любое действие уже принадлежит их расчёту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.